

Александр Гребенников

Пришествие

Книга 3 из Цикла Пояс жизни

16+

Александр Гребенников

**Пришествие. Книга 3
из цикла «Пояс жизни»**

«ЛитРес: Самиздат»

2014

Гребенников А. М.

Пришествие. Книга 3 из цикла «Пояс жизни» /
А. М. Гребенников — «ЛитРес: Самиздат», 2014

"Пришествие" не является продолжением первых двух книг, входящих в цикл, несмотря на то, что на ее страницах читатель вновь встретится с некоторыми знакомыми персонажами. Действие переносит нас на две с лишним тысячи лет назад в Древний Рим и другие страны Средиземноморья. Это одна из версий того, что могло происходить две с лишним тысячи лет назад.

Глава 1

Быстроходная либурна¹, миновав без остановки шумную Остию², словно чайка пронеслась по речной глади Тибра. На палубе стоял молодой, богато одетый юноша, который с нетерпением ожидал, когда, наконец, борт корабля коснется римской пристани. По команде кормчего гребцы убрали весла и корабль, движущийся по инерции, поравнялся с каменным парапетом пристани. Ловкие матросы с обветренными лицами сбросили на берег швартовые канаты и, совершив головокружительные прыжки, в одно мгновение оказались на берегу. В считанные мгновения они накинули канаты на береговые каменные тумбы и, подтянув корабль к берегу, заставили его остановиться, упершись бортом о каменные стены пристани. Молодой человек жестом подозвал к себе кормчего и, как только тот приблизился к нему, кинул в руки старого морского волка увесистый кошель с золотом. Кормчий с расплывшимся в улыбке лицом, поклонился и приказал матросам скинуть сходни. Не произнеся ни слова, юноша в сопровождении пятерых рослых рабов – нубийцев, несших паланкин, направился по сходням на берег. Вслед за ними, неуверенной

походкой, спустился еще один человек, по одежде и характерным чертам лица которого, в нем можно было угадать иудейского купца. Молодой человек забрался в паланкин и жестом пригласил иудея занять место рядом с собой. Рабы аккуратно подняли носилки и, расчищая путь от городских зевак, понесли их в сторону Квиринала³. Здесь, среди утопающих в зелени садов, они, отыскав нужную виллу, опустили носилки у портика, окружающего дом. Юноша и его пожилой спутник выбрались из паланкина и направились в дом, откуда им навстречу вышел коренастый темноволосый мужчина лет сорока, одетый как вольноотпущенный. Завидев его, юноша, забыв о патрицианской гордости, подбежал к нему и заключил в объятия, как старого друга.

– Мерцил, как я рад снова видеть тебя! – Воскликнул юноша.

– А как я рад, ты даже не представляешь! Дайка я взгляну на тебя, мой мальчик. Да нет. Ты уже не мальчик, а настоящий мужчина! Получив известие о твоём возвращении, я не мог сдержать слез. Ведь тебя не было целых пять лет. Рассказывай, где тебя носило так долго.

– Потом, Мерцил, все потом. Позаботься, пожалуйста, о рабах и о моем спутнике.

Мерцил бросил подозрительный взгляд на иудея.

– Кто этот человек, Аврелий? Зачем ты его притащил сюда? Ты не подумал, что Он будет недоволен таким гостем?

– Все в порядке, старина. Это Тобий. Я предупредил Его, что Тобий прибудет вместе со мной.

Будь любезен, прими его, как дорогого гостя. Скажи, где мне найти хозяина?

– Он у себя и очень ждет тебя.

Юноша зашел в дом, миновал атриум⁵, и остановился перед резной дверью, ведущей в таблинум⁴ хозяина виллы. Он поправил и без того безупречные складки на своей тоге и, не скрывая волнения, открыл дверь. За большим столом с литыми бронзовыми ножками в кресле с высокой спинкой сидел человек, на вид которому было лет пятьдесят или около того. Он был погружен в чтение папирусного свитка. Услышав звук открывающейся двери, мужчина оторвал взгляд от папируса и поднял глаза.

– Аврелий, мой мальчик, вот и ты! – приветливо воскликнул хозяин кабинета и встал из-за стола.

– Ну, подойди же ко мне, дай я обниму тебя! Признаться, я ожидал тебя не раньше завтрашнего дня!

– Учитель, я не стал сходить на берег в Остие. Пришлось немного доплатить кормчему, и он доставил меня прямо в Рим. Мне нетерпелось узнать Ваше мнение о моей идее.

– Да, да, я ознакомился с твоим отчетом и вот, как раз сейчас изучал местные материалы по этой теме. Но ты прямо с дороги, и, наверное, голоден? Давай, сначала что-нибудь перекусишь, а потом займемся делами.

– Ну что ж, с удовольствием! Признаться, я действительно здорово проголодался.

Хозяин дома дернул за шнурок и почти мгновенно на пороге таблинума появился управляющий Мерцил.

– Мерцил, наш друг проголодался, распорядись, пожалуйста, чтобы нам что-нибудь принесли

– Все уже готово, господин, – ответил управляющий. Он дважды хлопнул в ладоши и в комнату вошли две молодых рабыни, одетые в белые короткие туники. Одна из них внесла чашу для омовения рук, наполненную водой с розовыми лепестками, а другая – серебряный поднос с различными яствами и кувшином вина. Девушки поставили все это на стол, и взгляд одной из них на мгновение встретился с взглядом юноши. Девушка густо покраснела, отводя глаза в сторону, и поспешно покинула помещение.

– Но это же... – не сдержал восклицания Аврелий.

– Да, это Цилия! А что тебя так удивило?

– Но как? Она же...

– Чему ты удивляешься, мой друг, – весело ответил хозяин, – для всех я тут знатный патриций Квинт Сципилион Аркус, род которого происходит от самого Тарквиния Древнего, а ты, не забывай, мой воспитанник, Аврелий Лициний Сцина. Приходится соответствовать здешним традициям, и использовать молодых сотрудниц в качестве рабынь.

– Да, конечно, но для меня это было как-то неожиданно. Цилия, и вдруг домашняя рабыня.

– Ладно, давай ешь, а то все остынет. Вот, попробуй старого фалернского, – наливая в серебряные кубки из кувшина, предложил тот, кто назвал себя Квинтом Сципилионом, – клянусь, что в милой твоему сердцу Иудее, такого не подают на стол ни царю Ироду, ни даже самому римскому наместнику.

Юноша отпил из кубка и с видом знатока признал, что вино великолепно затем приступил к трапезе. Когда все содержимое подноса оказалось съеденным, Квинт дернул за шнурок. В комнате вновь появился управляющий и обе девушки, которые молча убрали все со стола. Выходя из комнаты, Цилия бросила многозначительный взгляд на Аврелий, который ответил ей таким же пылким взглядом. Хозяин дома жестом показал, чтобы все покинули его кабинет. Выходя из комнаты, управляющий Мерцил плотно закрыл за собою дверь.

– Ну что ж, дорогой Аврелий, теперь к делу! Давай подсаживайся поближе, – пододвигая один из стульев к столу, пригласил Квинт, опускаясь в свое рабочее кресло. – Я внимательно изучил твой отчет и сравнил те сведения, которые поступают ко мне из местных источников. Честно говоря, не пойму, что у тебя вызывает такой интерес к этому захолустью. Вроде все, как и везде на этой планете.

– Но, профессор, – не заметно для себя, переходя с латыни на привычный геянский, возразил юноша, – там как раз именно та ситуация, которая требуется для формирования новых общественно-политических отношений на Земле.

– Вот что, мой дорогой, скажи, сколько лет ты уже на Земле?

– Скоро двадцать пять, а причем здесь это?

– А притом, что мы больше пяти тысяч лет наблюдаем за развитием человечества на Земле, и должны признать, что, несмотря на жестокость, кровопролития и политические интриги, их общество, особенно в крупных империях типа Египетской, Римской, Персидской,

Цинской, империи Майя и других, достаточно далеко продвинулось по пути прогресса. Не без нашей помощи, конечно. Но, тем не менее, их собственные заслуги весьма значительны.

– Да в чем же прогресс? В рабстве? В чем они продвинулись? В совершенствовании и создании все более изощренных орудий уничтожения друг друга?

– Ты, слишком односторонне оцениваешь землян. Они достигли весьма высокого уровня в искусстве, строительстве и архитектуре, технологиях, в различных науках, способствующих познанию мира, в котором они живут. Что же касается оружия, смею тебе напомнить, что и в нашей собственной истории технологии в военно-технической сфере долгое время играли роль авангарда по пути технического прогресса. Они шаг за шагом повторяют путь, пройденный нами тысячелетия назад. И не нам упрекать их в жестокости, корыстолюбии и жажде власти. Они – наша точная копия. Что же касается рабства, тут я с тобой, абсолютно согласен. Эта форма здесь себя практически исчерпала и все больше проявляется, как тормоз для дальнейшего развития общества. Но что же мы можем с этим поделать? Видно их время еще не пришло.

– Да, учитель, их время еще не пришло, но мы можем создать предпосылки для его приближения.

– Это, каким же образом?

– Позвольте мне высказать свое видение этой проблемы, которое опирается на мой пятилетний опыт пребывания в Иудее.

– Я весь внимания!

В этот момент открылась дверь, и в комнату вошел Мерцил.

– Я прошу прощения, что осмелился Вас побеспокоить, но пришел посыльный от императора.

– Вот черт, как не вовремя. – Пробурчал Квинт, – Давай его сюда!

Мерцил вышел и, почти тотчас в кабинет вошел императорский посыльный. Он согнулся в почтительном поклоне и протянул хозяину дома пергамент с печатью Гая Юлия Цезаря Августа Октавиана, императора и верховного понтифика.

Квинт взял пергамент и жестом показал, что посыльный может быть свободен. Он сорвал печать и, развернув пергамент, внимательно его прочитал.

– Сожалею, мой друг, придется нам отложить нашу беседу. Октавиан срочно зовет к себе. Ничего не поделаешь, дела государственные. Отдыхай пока, а когда я вернусь, мы продолжим.

С этими словами Квинт, придав лицу выражение, соответствующее знатному патрицию и римскому сенатору, вышел из кабинета, на ходу отдавая распоряжения управляющему и «рабам».

Глава 2

Аврелий, оставшись один, только пожал плечами от сожаления, что так долго ожидаемый им разговор, неожиданно прервался из-за прихоти местного царька. Он встал и, окинув взором давно знакомый кабинет, вышел из него. Юноша прошел через атриум, и, постояв в нерешительности, направился к выходу. В вестибule⁶ он едва не столкнулся с, возвращающимся в дом, Мерцилом.

– Ты куда-то собрался, Аврелий? – Спросил управляющий.

– Да нет, просто наша беседа так неожиданно прервалась, что я нахожусь в растерянности, не зная чем заняться.

– Отдохни с дороги. Я распоряжусь, чтобы тебе приготовили ванну. Твои покои уже готовы и ждут тебя.

– Спасибо, старина! Это будет совсем не лишним. Я, пожалуй, воспользуюсь твоим советом. Да, кстати, как устроился мой спутник?

– Все, как ты велел, Аврелий. Я проводил его в бальнеум⁷. После омовения он помолился своим богам и отправился в триклиний⁸. А сейчас, после сытного обеда, он изволит отдыхать в, отведенной для него, кубикуле⁹.

– Спасибо, Мерцил. Еще раз прошу тебя, будь с ним почтительным. Этот человек очень важен для задуманного мною плана.

– Можешь не беспокоиться, здесь он будет чувствовать себя лучше, чем наш император в своем дворце. – Со смехом ответил управляющий, похлопывая юношу по плечу. – Так как, тебя проводить или сам найдешь дорогу в бальнеум?

– Спасибо, я хорошо помню, где в этом доме находится бальнеум. Скажи, Мерцил, – нерешительно обратился Аврелий к управляющему, – я, видел тут двух девушек-рабынь. Мне показалось, что одна из них...

– Ты о Цилии? Прости нас с хозяином за этот маскарад, но пойми, в доме посторонние, и мы вынуждены сохранять хотя бы видимость.

– О каких посторонних ты говоришь? Разве в доме кроме нас есть еще кто-нибудь? – с тревогой в голосе спросил юноша.

– Конечно! Это твой спутник и твои черномазые рабы.

– И все?

– Все!

– Тогда не о чем беспокоиться, или ты боишься, что рабы начнут болтать лишнее о порядках в доме сенатора Квинта Сципилиона?

– Напрасно ты иронизируешь, мой мальчик. Все сплетни о своих хозяевах в Риме разносят их собственные рабы, и многие знатные господа уже поплатились своим состоянием, а то и жизнью за длинные языки своих рабов. Так что лучше перестраховаться и не давать повода для пересудов.

– Что ж, Вам виднее. Я долго отсутствовал в Риме и не в курсе перемен, произошедших здесь. Скажи, а Цилия, она...

– Если хочешь ее увидеть, то поищи в ксисте¹⁰. Наверняка она возится там со своими цветами. Только для начала приведи себя в порядок и переоденься, прежде чем пойдешь на встречу с девушкой, – добродушно смеясь, ответил Мерцил, удаляясь во внутренние помещения дома.

Из бальнеума юноша вышел посвежевшим и отдохнувшим. Он с удовольствием сменил дорожное платье на легкую белоснежную тунику. Собравшись с мыслями, Аврелий решительно направился в ксист. Там он, как и предупреждал Мерцил, нашел Цилию. Девушка была занята поливом многочисленных цветов, украшающих помещение.

– Цилия, – робко позвал ее юноша, – это я, Аврелий. Я вернулся.

От неожиданности девушка уронила медную лейку, которую держала в руках. Она обернулась на голос, и все лицо ее залилось краской. Молодой человек подбежал к ней и попытался нежно обнять. Девушка отстранилась и заговорила взволнованным, срывающимся голосом:

– Я вижу, что это ты! Ты, который исчез пять лет назад, даже не попрощавшись, ты, который за все это время не подал ни единой весточки, а теперь, вот так запросто являющийся и заявляющий, «Это я, Аврелий, я вернулся!» И чего ты ждешь от меня? Что я брошусь в твои объятия!

– Но Цилия, – растерянно ответил юноша, – ты же знаешь, я получил важное задание, и должен был незамедлительно отправиться в Иудею. Мне не дали времени даже собрать вещи, просто усадили среди ночи в флайер и отправили за море. Мне категорически было запрещено пользоваться любыми средствами связи. Я просто не мог...

– Ну да, не мог! Я понимаю, тебе нельзя было пользоваться коммуникатором, но написать письмо и передать его с попутным кораблем, наверное, ты мог?

– Прости, прости меня! Я как-то об этом даже и не подумал. Я думал, профессор тебе все объяснил.

– Объяснил, конечно, что мы здесь с определенной миссией и что здесь нет места для личных взаимоотношений. Вот, что он мне объяснил, дорогой Аврелий и то, только спустя два дня после твоего исчезновения. А знаешь, что я пережила за эти два дня? Я места себе не находила. Знаешь, какие мысли лезли в голову на фоне всего того ужаса, что творился в городе по прихоти Августа. Здесь сотни людей пропадали бесследно по приказу императора. Их убивали, вырезали семьями, даже младенцев, а имущество изымали в пользу государственной казны. И все это под лозунгами о благе отечества. Мне казалось, что ты стал одним из них.

– Ну что ты, Цилия! Ты же прекрасно знаешь, что ни с кем из нас ничего подобного произойти просто не могло и не может, что в случае малейшей опасности для жизни наблюдателя будут применены самые крайние меры.

– И ты веришь в это? Я своими глазами видела, как это происходит. Они врываются в дома среди ночи и действуют молниеносно, так, что никто не успевает даже отреагировать. И всему виной золото. Алчность императора не знает границ. Я много раз предупреждала профессора, чтобы он не выставлял напоказ свое богатство. Пока Август к нему благосклонен, но, боюсь, наступит день, когда ему покажется мало того, что он получает от Квинта, и захочет забрать себе все.

– Успокойся, с нами этот фокус не пройдет. Весь дом окружен датчиками и камерами наружного наблюдения. Нас им врасплох застать не удастся, а любой, кто сунется сюда, получит по заслугам. И хватит об этом! Я вернулся, и мы снова будем вместе. Клянусь, что больше никогда не покину тебя.

– Пока тебе не поручат какое-нибудь новое задание!

– Нет, на этот раз нет, Цилия. Если мне удастся убедить профессора, то ты займешь подобающее тебе место в затеваемом мною проекте, и мы всегда будем рядом. Ну, дай же мне, наконец, обнять тебя.

Девушка, более не сопротивляясь, позволила юноше заключить себя в объятия. Их губы встретились и сомкнулись в страстном поцелуе.

Глава 3

Солнце клонилось к закату, и в таблиуме стала сгущаться темнота. Аврелий, более не в силах напрягать глаза, отложил свиток с хрониками Платона, встал с ложа, размяв затекшие руки и ноги, и, так и не дождавшись возвращения Квинта, пошел на поиски Мерцила. Он нашел управляющего, занятого разжиганием светильников в атриуме.

– Забавно видеть, как ученый-наблюдатель высшей категории разжигает масляные светильники, – с иронической усмешкой произнес юноша.

– Да, ты прав, Аврелий, – ответил управляющий, отрываясь от своего занятия, – мне и самому порою кажется, что вся моя прошлая жизнь, там дома, на Гее, была будто не со мной. За долгие годы, проведенные на Земле, я уже буквально вжился в свою роль управляющего у знатного патриция. Иногда я ловлю себя на мысли, что подсознательно называю профессора не иначе, как хозяин. Только по ночам, во сне я вижу Гею с ее упорядоченной, комфортной, лишенной всех этих ужасов, жизнью.

– Ты мог бы попросить замену, или хотя бы отпуск.

– Мог бы, конечно, но ты же понимаешь, что новому человеку очень долго придется осваиваться в этом жестоком мире, да и не могу я вот так, просто, бросить профессора. Он тут без меня пропадет.

– Кстати, что-то уж больно долго его нет. Думал дождаться его возвращения за свитком Платона, но в таблиуме стало совсем темно, и пришлось бросить это занятие.

– Честно говоря, я уже и сам начинаю беспокоиться. Скоро совсем стемнеет, а путь от Капитолия¹¹ не близкий, да и чего греха таить, вовсе не безопасный. Ночью на римские улицы

выползает всякий сброд, очень охочий до чужих кошельков. Правда у профессора есть все необходимые средства защиты, но от неожиданностей никто не застрахован, даже он.

– Про уличных бандитов я как-то не думал, а вот про Августа... Особенно после того, что мне рассказала Цилия о его методах борьбы с неудобными вельможами.

– Август! Нет, это совершенно исключено. Во-первых, он очень благосклонен к Квинту, во-вторых, он более, чем когда, в свете затеянных им преобразований, сейчас нуждается в деньгах, а в третьих, сейчас, после очередного фарса с выборами первого консула, на должность которого он сам себя назначил, мысли его, скорее всего, о том, как бы попышнее обставить празднество в свою честь по этому поводу. А вот уличный сброд – это реальная угроза.

– Тогда, может мне пойти ему на встречу.

– У меня тогда появится повод беспокоиться за вас двоих.

– Я возьму охрану.

– Охрану! Какую? Даже закаленные в боях центурионы, сторонятся ночных бродяг и, несмотря на все указы Цезаря, не в состоянии обеспечить порядок и безопасность в городе.

– Я могу взять своих нубийцев. Поверь мне, они владеют мечом не хуже римских ветеранов-легионеров. И, главное, им можно доверять. Мне пришлось неоднократно в этом убедиться в Иудее.

– Никому, никуда не нужно идти! – раздался голос хозяина дома из протирума¹². Благодарю Вас друзья за заботу, но я уже дома.

– Профессор, ну наконец-то! – в один голос воскликнули Мерцил и Аврелий.

– Что так долго, хозяин? – Спросил управляющий, слегка склоняясь перед патрицием.

– Этот выскочка Октавиан никак не может смириться с тем, что все хорошо помнят о его плебейском происхождении. Вот и решил обставить свое очередное восшествие в должность первого консула не только пышными празднествами с щедрой раздачей денег беднякам, но и невиданными гладиаторскими боями. А это все, как известно, требует денег и еще раз денег. Надо признаться, сегодня он был «сама любезность», и мне ничего не оставалось делать, как пообещать ему пятьсот талантов¹³. Что поделаешь, золото правит этим миром. А сам-то, скряга, не сподобился даже предложить поужинать, лишь потчевал ужасным вином, хуже которого не подают даже в самых грязных тавернах Эсквилина¹⁴ и Субуры¹⁵. Так что я ужасно голоден. Будь добр, Мерцил, вели подавать ужин в зимний триклиний. Время позднее, и мне думается, что никто из нежданных гостей к нам уже не пожалует. Поэтому пригласи всех наших собраться там.

– А как же гость Аврелия, хозяин?

– Ах да! Совсем забыл! Ну, вели отнести ему ужин в его покои, и попроси проследить, чтобы он нас не побеспокоил.

– Как пожелаете, хозяин. – Ответил управляющий и оправился выполнять поручение хозяина дома.

Глава 4

Если бы вдруг какой-нибудь римский зевака случайно заглянул бы этим вечером в зимний триклиний виллы Квинта Сципилиона Аркуса, то, наверняка, его рассудок пошатнулся бы от увиденного там. Его взору предстало бы зрелище совершенно невероятное и фантастичное. Этот обыватель увидел бы, как это внутреннее помещение дома, погруженное в ночной мрак, вдруг непонятным образом осветилось ярким, но не слепящим светом, лившимся прямо с потолка, и освещавшего большую комнату так, как будто на дворе был солнечный день. При этом ни из одного из многочисленных светильников, расположенных вдоль стен не исходило даже намек на зажженный в них огонь. А если бы он задержался здесь чуть дольше, то увидел бы, как огромный мраморный стол в кованной бронзовой оправе, непонятным образом поднялся над полом, и лежа, расположенные вокруг него, на которых обычно возлежали во время трапез хозяева и гости этого дома, странным образом трансформировались в удобные мягкие

диваны, наподобие тех, которыми пользовались персидские вельможи. Затем этот зевака увидел бы, как, словно по мановению волшебной силы, раздвинулись тяжелые портьеры из персидской парчи, закрывающие одну из стен триклиния, облицованную многочисленными прямоугольными, матово-черными плитами, которые замерцав, превратились в «живые» картины, показывающие в мельчайших подробностях все то, что происходило со всех сторон в окрестностях виллы. И даже, если бы все увиденное не повергло бы этого римского простака в шок, и было бы воспринято им, как проявление магии, колдовства или шуткой богов, охраняющих покой этого дома, то, что предстояло увидеть ему в дальнейшем, окончательно сломило бы его свободный дух римского гражданина. В комнату вошли рабы, которые начали сервировать стол, расставляя посуду, блюда с едой, восточные кувшины с напитками и раскладывая у каждого блюда непонятного назначения серебряные инструменты. Затем в триклинии появился хозяин дома со своими спутниками. А далее свершилось совершенно невероятное. Хозяин пригласил всех, включая домовую челядь и рабов (всего человек двадцать), занять места за общим столом. Этого уж гордый квирит¹⁶ не вынес бы точно. Но, тем не менее, все это на самом деле происходило в зимнем триклинии виллы Квинта Сципилиона.

– Друзья! – Обратился хозяин к присутствующим. – Сегодня тот редкий случай, когда весь персонал нашей римской базы смог собраться за общим столом! И повод для этого весьма значительный. Сегодня из долгих странствий по Иудее вернулся, всеми нами уважаемый, Аврелий. К сожалению, днем он не успел мне ничего рассказать о своей миссии, но я надеюсь, что сейчас, когда мы все в сборе, ничто и никто не помешает нам услышать его рассказ. А чтобы это не выглядело, как сухой доклад, мне пришло в голову совместить его с праздничным ужином. Прошу Вас, приступайте.

Со всех сторон послышались звуки разливаемого по кубкам вина, которые были подняты в честь возвращения «блудного сына».

– Аврелий, мы ждем! Давай рассказывай! – Градом посыпались голоса со всех сторон.

– Я, конечно, польщен, что в мою честь Вы устроили столь пышное застолье, – смущенно начал молодой человек, – но то, что Вам предстоит услышать, на мой взгляд, требует серьезного, детального обсуждения.

Путешествуя по Иудее, мне удалось достаточно близко познакомиться с обычаями и укладом жизни народа, проживающего там. И вот, что я Вам скажу. Народ этот, в некоторой мере, уникален, в первую очередь своей религией и моралью. По крайней мере, насколько мне известно, Иудея – единственное место на Земле, где веруют в одного единственного бога – создателя всего сущего в этом мире, и пекущегося о благе каждого живущего в этом мире человека, (что, в некоторой мере, соответствует нашим собственным знаниям о действии Единого информационного поля) в отличие от всех других народов, где поклоняются целому пантеону различных богов, каждый из которых отвечает, что ли, за определенный вид деятельности. Речь идет именно о вере, а не о поклонении тому или иному Высшему существу, которого каждый сам себе выбирает в покровители, действуя, скорее, по профессиональному или сословному, чем по религиозному принципу. Кроме того их мораль строго придерживается тех принципов, которые были им переданы в виде заповедей, то есть построена так же, как и наша собственная мораль. Но главное, в их вере нет места рабству. Они глубоко убеждены, что все люди рождаются свободными и равными, и долг каждого человека – это честный труд и забота о своих близких. Семейные ценности для них являются основой их земной жизни.

– Но и что же из этого следует? В чем уникальность? Вот, к примеру, Август так же пытается ввести свой собственный высший культ, обожествляя себя. Он даже изменил название месяца секстилиса на август, в честь себя любимого. А что касается культа многочисленных богов, которым поклоняется большинство народов на этой планете, то разве не мы сами создали его, благодаря тесным контактам с аборигенами наших первых исследователей, надежных, по их (аборигенов) мнению, сверхъестественными возможностями. – Возразил Квинт.

– Как Вы не понимаете разницы между религией, имеющей тысячелетние корни и искусственно навязанным культом. И разве можно сравнивать развращенных, погрязших в жутких оргиях, не признающих никакой морали римлян с высоконравственными принципами иудеев?

– Так чего же ты хочешь, Аврелий?

– Совсем немногого. Распространить моральные ценности иудеев на весь остальной мир, и сделать принцип равенства всех людей перед создателем, государственным, пусть сначала в столь незначительном государстве, как Иудея. Я убежден, что это учение достаточно быстро распространится на другие страны, и в будущем поможет покончить с рабовладельческим строем.

– Ты думаешь, что рабовладельцы вот так просто откажутся от своих прав на торговлю людьми и использование их труда?

– Нет, конечно. Я не столь наивен, чтобы верить в такое, но процесс будет запущен, и пусть потребуются еще столетия для того, чтобы рабство, как таковое, исчезло навсегда, но у людей появится вера и надежда на лучшую долю.

– Видишь ли, мой юный друг, я уже говорил тебе, что внимательнейшим образом ознакомился с твоим отчетом и теми материалами, которые мне удалось получить самостоятельно. Так вот, несмотря на высокую мораль милых твоему сердцу иудеев, они продолжают жить под гнетом жестокого и алчного правителя – этого царя Ирода, окружающих его вельмож и римского наместника с его легионерами, которые обложили население беспрецедентными и ничем необоснованными поборами, а всестороннюю помощь им оказывает в этом высшее духовенство, проповедующее, по твоим словам, веру в единого и справедливого бога. Так, где же логика? Чем эта вера помогла народу? Пусть они даже считают себя свободными, но, по сути, весь этот народ – те же рабы.

– А я и не спорю. Все правильно. Но в глазах каждого иудея можно увидеть ненависть к навязанному им узурпатору и римским оккупантам. Все они живут надеждой на рождение Спасителя – истинного иудейского царя, который вернет справедливость и величие их народу, какое было во времена царя Давида. Вот именно этим обстоятельством я и предлагаю воспользоваться – дать им долгожданного царя – Спасителя.

– Аврелий, дорогой, ты же прекрасно знаешь, что нам категорически запрещено вмешиваться в местные дела. Мы всего лишь наблюдатели. Наше вмешательство возможно только в том случае, если всей земной расе будет угрожать полное уничтожение. Да, мы помогли землянам во время великого потопа, наступившего, собственно говоря, по нашей вине. Тогда стихия унесла сотни тысяч человеческих жизней. После этой роковой аварии на термоядерной установке в южной полярной зоне, произошло резкое таяние полярных льдов, что привело к значительному повышению уровня мирового океана. Огромные территории оказались затопленными вместе с городами, лесами, животными и людьми, а ранее цветущий край на севере Ливии¹⁷, превратился в выжженную солнцем пустыню. После этого трагического события нам категорически запретили использовать любые средства, способные вызвать глобальные катастрофы, а сами аборигены пока, к счастью, не обладают никаким из видов оружия массового уничтожения.

– Да я и не предлагаю никакого вмешательства. Иудеи все сделают сами, а нам нужно будет лишь обставить событие рождения истинного иудейского царя нужным образом, так, чтобы ни у кого не возникло бы и тени сомнений о происхождении новорожденного младенца.

– А что, мне эта идея нравится! – Неожиданно для всех заметила Цилия.

– И мне тоже, – осторожно подметил Мерцил, – мне кажется, это может сработать. Нужно только придумать, как сделать так, чтобы во всей Иудее все узнали бы об этом событии одновременно.

– Ну, знаете! – Воскликнул Квинт. – На мой взгляд, это авантюра. Да и не нам решать судьбу акции такого масштаба. Я в любом случае должен все согласовать с Главным наблюда-

тельным советом, только боюсь, что меня там и слушать не станут. – С грустью в голосе добавил Квинт.

– О чем Вы говорите, профессор? – Раздались голоса со всех сторон. – Как они могут не прислушаться к Вашему мнению? Они просто обязаны! О Вас среди наблюдателей ходят легенды!

– Могут, друзья, могут. – Ответил профессор. – Даже несмотря на мнение всех наших коллег-наблюдателей, работающих на разных планетах «пояса жизни». К сожалению, есть причины, которые дают им на это право. Вы ведь совершенно ничего не знаете ни обо мне, ни о моем прошлом.

– Так расскажите нам. Может быть, мы совместно найдем способ все исправить и изменить негативное отношение Совета к Вам.

– Возможно, когда-нибудь, не сейчас, я и расскажу Вам обо всем. Только боюсь, что ничто не заставит Совет изменить свое мнение.

– Послушайте, профессор, тогда почему Совет, который так, по Вашим словам, негативно относится к Вашей личности, оставил Вас на посту руководителя базы, причем в самой ключевой точке планеты?

– На все есть свои причины, друзья. В том числе и на это. Да и хватит об этом. Нечего обсуждать мою личность. В конце концов, это касается только меня одного.

– Вот что, профессор, – неожиданно для всех произнес Мерцил, – я, пожалуй, единственный из здесь присутствующих, кто в той или иной степени, знаком с Вашей историей. И именно поэтому, я прошу Вас поддержать предложение Аврелия. Кто знает, возможно, от его успеха будет зависеть восстановление доброго отношения к Вам. Я за то, чтобы взяться за это дело.

– И я тоже! – Воскликнула Цилия.

– Да, мы тоже готовы! Аврелий, мы с тобой! – посыпались со всех сторон голоса.

– Что ж, если Вы так единодушны, – ответил профессор, тогда я, профессор Аркус, как Ваш руководитель, готов взять всю полноту ответственности за проведение этой акции на себя. Мы воспользуемся нашим правом действовать в исключительных ситуациях сообразно сложившейся обстановке. Только должен предупредить Вас всех, что в случае, если что-то пойдет не так, как задумано, все Вы рискуете разделить со мною участь изгоя и поставить большую жирную точку на своей дальнейшей карьере.

– Мы согласны, согласны, – снова раздался целый хор голосов, – можете не сомневаться!

– Ну, раз все «за», тогда нам необходимо разработать детальный план наших дальнейших действий. И будь, что будет. Победителей ведь не судят.

– Я считаю, – взволнованно сказал Аврелий, – прежде чем мы приступим к выработке того или иного плана, Вам необходимо выслушать человека, прибывшего вместе со мной из Иудеи. Мне кажется, что это поможет нам действовать в правильном русле. Тобий, как никто другой, знаком с положением дел в Иудее и с настроениями, царящими среди ее населения.

– Хорошо, мой друг, – ответил профессор, конечно, мы обязательно выслушаем его, но только уже не сегодня. Время позднее. Пора заканчивать ужин и укладываться спать. Тем более, что денек у меня, по крайней мере, выдался не из легких.

Глава 5

– Как думаешь, что такого могло быть в прошлом профессора, из-за чего в Совете его считают изгоем? – шепотом спросила Цилия, освобождаясь из объятий Аврелия.

– Честно говоря, не имею ни малейшего представления. Как-то, не очень вяжется с тем, что я знаю или слышал о нем. Еще там, на Гее, когда я получал назначение на Землю, мне все члены комиссии в один голос твердили, что это огромная честь, работать под руководством такого уважаемого ученого, как профессор Аркус, и, что для этой работы отбираются только лучшие из лучших. Меня тогда переполняла гордость за то, что именно мне выпала такая удача, а все сокурники искренне мне завидовали. Получив это назначение, я постарался узнать как

можно больше о человеке, с которым мне предстояло работать. Я досконально изучил все его работы по Египту, Элладу, Персии и, конечно Риму, попытался получить как можно больше сведений о его биографии. Знаешь, только сейчас, после сегодняшнего странного признания профессора, я вдруг задумался над тем, как мало, лично о нем, о его прошлой жизни, о семье и прочих личных данных, имеется публичных сведений. Как будто бы этого человека не существует, и никогда не существовало. Тогда я подумал, что он один из тех ученых, информация о которых строго засекречена из соображений общечеловеческой безопасности. Мне показалось, что он является носителем какого-то знания вселенского масштаба, которое, в случае попадания его в руки негуманоидных рас, настроенных враждебно по отношению к нам, могло бы причинить существенный вред нашей цивилизации.

– Негуманоидных рас? Впервые слышу о таких.

– Ты что, Цилия, прогуливала лекции в академии?

– Хм, я думала, ты знаешь! Я никогда не училась в Вашей академии, и, вообще, не имею отношения к изучению истории доиндустриальных цивилизаций.

– Ты никогда не говорила об этом. Странно, а каким же образом ты сюда попала?

– Ты не спрашивал, а вообще, я и сама не понимаю. Наверное, совершенно случайно. Ведь я паромедик по профессии, и моя основная специализация – совместимость предполагаемых биологических объектов с трансплантируемыми матрицами сознания, находящимися в режиме ожидания в ГИП (глобальном информационном поле). Я была даже соавтором работ по искусственному выращиванию взрослых клонов-дублеров людей, которые, предположительно, могут в ближайшее время умереть, для последующей заливки в их мозг информации из ГИП. Это была большая программа, направленная на то, чтобы, в случае естественной смерти или гибели особо важных для науки ученых, не ждать, пока их пересаженные сознания в оболочке только что родившихся младенцев, смогут перейти в активную фазу. А это, как известно, происходит только тогда, когда организм и его психофизические факторы достигают зрелого состояния.

– И что, Вам это удалось воплотить на практике?

– Представь себе, да. В наших лабораториях были выращены тела-дублеры, соответствующие возрасту примерно тридцатилетних людей, двух очень уважаемых людей, которым было уже далеко за пятьсот лет. Прости, но я не могу назвать их имен из соображений врачебной этики. Так вот, подсаженные после смерти оригиналов, матрицы, успешно прижились в стерильном мозге клонов, и эти люди продолжают с успехом жить и трудиться. Причем, они идентифицируют себя именно, как личности тех, умерших людей.

– Фантастика! Просто не верится! Только не пойму, какая связь между всем этим и твоим пребыванием здесь?

– Я не знаю и предпочитаю не задавать пока лишних вопросов по этому поводу. Думаю, когда настанет необходимость, мне обязательно сообщат, а пока я, с успехом, выполняю роль домашней рабыни, и меня это вполне устраивает. Могу сказать лишь одно, когда мне была предложена эта работа, я случайно подслушала, что говорили между собой члены комиссии о каком-то человеке. Всего я не припомню, но вот то, что он, якобы, уже пережил чуть ли не с десятков трансплантаций сознания, это я помню точно. А если учитывать, что средняя продолжительность жизни на Гее составляет примерно пятьсот лет, то, сколько же тогда ему? Страшно даже представить себе. Как думаешь, не о профессоре ли они говорили тогда?

– Очень может быть. Возможно, где-то в глубине веков и заключена его тайна, но мы можем только гадать до тех пор, пока профессор не сочтет возможным сам все рассказать нам. И довольно об этом. Иди ко мне. Мы, наконец-то вместе, и пусть эта ночь, будет принадлежать только нам двоим.

Аврелий вновь нежно обнял Цилию и стал страстно целовать ее губы, глаза, шею, опускаясь все ниже и ниже. Девушка не сопротивлялась и, наслаждаясь ласками любимого человека, позволила ему целовать всю себя.

Едва только предраассветные сумерки начали рассеивать ночной мрак, Аврелий, нежно поцеловав спящую Цилию, встал с ложа, и, накидывая на ходу одежду, вышел из кубикулы. Он, было, направился в собственную спальню, но, подумав, повернул в другую сторону. Все существо его было переполнено счастьем минувшей ночи, и он решил охладить свое разгоряченное тело прохладой воды в бальнеуме. Юноша, бесшумно ступая по мраморным плитам пола, пересек атриум, и вошел в темное помещение бальнеума, где отражая угасающие звезды, лившие свой призрачный свет сквозь широкое отверстие в потолке, его ждала манящая гладь воды, наполнявшей мраморный бассейн. Аврелий прошел к одной из колонн, поддерживающей потолок, за которой находилась мраморная скамья, где он намеревался оставить свою одежду, но, не успев присесть на скамью, юноша вдруг даже не заметил, а скорее почувствовал, как какая-то тень проскользнула вдоль противоположенной стены. Он спрятался за колонной и стал наблюдать. Тень прошла вдоль стены и остановилась у ступеней, ведущих в бассейн. Аврелий выглянул из-за колонны и увидел стоящую к нему спиной детскую фигуру.

– Странно, – мелькнуло в голове юноши, – откуда в доме ребенок?

Он вышел из-за колонны, и, закрыв одной рукой ребенку рот, а другой крепко сжав, не давая ему пошевелиться, спросил.

– Кто ты, как попал сюда?

Он развернул оцепеневшего от ужаса и неожиданности ребенка лицом к себе, продолжая плотно закрывать ему рот, не давая криком нарушить тишину спящего дома.

– Ну же, отвечай! – Грозно потребовал Аврелий. – Что тебе здесь нужно? Ты шпионил?

– Я... нет, нет господин! Я только хотела искупаться, пока все спят. Больше ничего такого. Простите меня! Я больше никогда...

Аврелий убрал руку и взглянул в лицо ребенка. Это была девочка лет десяти – двенадцати. Ее густые темно-каштановые с медным отливом волосы, были аккуратно подстрижены, как это предписывалось для рабынь. В ее огромных, широко раскрытых глазах, полных, вот-вот пролиться, слез, юноша прочитал неподдельный страх.

– Не бойся, я ничего тебе не сделаю, – сказал он испуганной девочке, – только Расскажи мне, кто ты и как здесь оказалась.

– Мое имя Тания. Я живу здесь с мамой и братишкой. – Всхлипывая, ответила девочка. – Но не в этом большом доме, а там, – махнула она рукой в сторону сада, – в маленьком домике. Я не хотела ничего плохого, только искупаться.

– Так почему ты это делала тайком? Разве нельзя было просто попросить хозяина или управляющего разрешить тебе приходить в бальнеум?

– Что ты, господин! Разве могут рабы...

– Рабы? – Не дав девочке договорить, переспросил Аврелий. – Так ты рабыня?

– Да, господин, хотя я теперь и сама не знаю. Мы живем с мамой и братом не как рабы. Никто не заставляет нас работать, и отец всегда сам приносит нам еду и разные вещи.

– Отец? Постой, постой, ты хочешь сказать, что твой отец живет в этом доме? Кто он – хозяин дома?

– Нет, что ты, господин, он же знатный патриций. Мой отец – управляющий в этом доме.

– Мерзил твой отец? Вот это новость! Давай-ка, рассказывай все по порядку. Кто твоя мать, и где Вы были раньше.

– Мою маму зовут Зоя. Раньше мы жили на соседней вилле. Мама служила горничной рабыней у госпожи, а папа часто приходил к нам. Потом госпожа заболела и умерла, и тогда папа попросил хозяина продать нас ему. С тех пор мы живем здесь.

– Как давно это произошло?

- Больше года назад, в мартовские иды, господин.
- Прекрати называть меня господин. У меня есть имя. Можешь звать меня просто Аврелий. И скажи, Тания, а хозяин дома знает о том, что Вы здесь живете?
- Полагаю, что да, знает. Ведь как может управляющий, хоть он и вольноотпущенный, без позволения хозяина поселить на вилле свою семью?
- Ты очень рассудительная девочка и, по всему видимому, хорошо воспитана.
- Меня мама учила. Я, кроме латыни, говорю на греческом и фарси, а еще я умею читать и писать. – С гордостью ответила девочка.
- Откуда же твоя мама сама все это знает?
- Она родом с одного из эллинских островов. Ее родители были очень знатными, но однажды на острове высадились киликийцы. Они перебили всех мужчин, кто пытался с ними сражаться, а женщин и детей продали в рабство. Маме тогда было шестнадцать лет, и она была очень красивой. Ее и еще несколько других девушек купил знатный римлянин для своей жены. С тех пор мама живет здесь.
- Ну, хорошо, Тания! Спасибо за то, что честно все мне рассказала, и прости, если я напугал тебя. Можешь идти купаться, и, вот что, можешь приходить сюда, когда захочешь. С хозяином я договарюсь. И братишку приводи.
- Что ты, Аврелий, он еще совсем маленький, но все равно, спасибо тебе.
- Девочка радостно зашла в воду, но вдруг повернулась и спросила:
- А ты как же? Ты ведь тоже хотел искупаться?
- Не беспокойся обо мне! Я как-нибудь в другой раз! – Ответил юноша и озадаченно вышел из бальнеума.
- Вот так Мерцил, – размышлял он, – а мне сказал, что в доме нет посторонних. Не зря говорят – седина в бороде....

Глава 6

Мерцил провел, с интересом озирающегося по сторонам, иудея в атриум, где у двери, ведущей в таблинум, его ожидал Аврелий.

– Приветствую тебя, Тобий, – произнес юноша на арамейском, распахивая дверь в кабинет, – прошу тебя, проходи. Квинт Сципилион готов выслушать тебя.

Иудей ответил на приветствие и сделал несколько шагов вперед, после чего, вдруг неожиданно остановился, увидев сидящего за столом патриция.

– Но он же римлянин! – Испуганно воскликнул Тобий.

– Что ж из того, – ответил Аврелий, – я тоже римлянин, но, мне то, ты веришь. Прощу тебя, входи, и ничего не бойся. Квинт Сципилион мой учитель и друг.

Иудей нерешительно вошел в кабинет. Следом за ним вошли Аврелий и, за тем, Мерцил, затворивший за собою дверь.

– Приветствую Вас, друзья, – так же на арамейском обратился Квинт, – прошу Вас, приходите и присаживайтесь, – жестом указывая на расставленные стулья, пригласил хозяин кабинета.

Иудей явно чувствовал себя неловко от того, что ему было предложено сидеть в присутствии знатного патриция.

– Итак, твое имя Тобий, – начал Квинт, – и, если судить по твоей одежде, ты купец.

– Это не совсем так, достопочтимый господин, – ответил иудей, – меня действительно зовут Тобий, но я вовсе не купец. Я священнослужитель в иерусалимском храме, а в это платье я облачился по настоятельному требованию моего юного друга, достопочтимого Аврелия.

Квинт вопросительно посмотрел на Аврелия.

– Что за маскарад, Аврелий? – спросил он.

– Это вынужденная мера безопасности. – Ответил юноша. – Я подумал, что присутствие иудейского священника было бы не вполне уместно на борту римского боевого корабля, да и

на римских улицах тоже. Это могло бы вызвать неадекватную реакцию у гордых квиритов и храмовых жрецов.

– Что ж, наверное, ты прав. Итак, я слушаю тебя, Тобий.

– Мой народ в течение долгих столетий скитался по миру в поисках земли обетованной, и подвергался лишениям и угнетению, пока наш пророк Моисей не привел нас в землю обетованную. Сам Господь явился ему на вершине горы Синай, указал ему путь и передал свои заветы в виде каменных скрижалей.

При этих словах на лице Квинта появилась ироничная улыбка.

– Вы слышали что-то смешное, учитель? – Обратился к нему Аврелий, прерывая иудея.

– Вовсе нет, мой юный друг! – Неожиданно перейдя на геянский, весело ответил Квинт. – Очень хорошо помню этот фокус с голограммой. Старик Моисей, при всем моем к нему уважении, чуть не рехнулся, когда в пламени «необжигающего огня», ему явился бестелесный образ Всевышнего.

– Так это были Вы? – Удивленно переспросил юноша.

– Нет, нет! Не я, но все это представление было подстроено не без моего участия. Я потом расскажу тебе эту забавную историю. Прошу прощения, уважаемый Тобий, – снова по-арамейски обратился Квинт к изумленному иудею, – продолжай, я весь внимания.

– Так вот, по указанному пути Моисей привел нас в Землю обетованную, где и сейчас проживает мой народ, строго выполняя заповеди, дарованные нам Господом. В разные времена нами правили разные правители, но нет более почитаемого правителя, чем царь Давид, при котором наше государство добилось наивысшего своего величия и богатства, благодаря трудолюбию его народа и его вере в Всевышнего. А сейчас мы вынуждены жить под бременем царя-самозванца, этого выроodka Ирода, который всех нас превратил в своих рабов, который попирает сами основы нашей веры. Все мы ждем, когда наступит долгожданный день пришествия в мир Мессии, в который родится наш Спаситель, истинный царь иудейский от корня Давидова, и освободит нас от ненавистного Ирода.

– И когда же это, по твоему, произойдет, уважаемый Тобий? – Спросил Квинт.

– Этого мне не ведомо, господин, но я свято верю, что день этот непременно настанет. Знаю лишь одно, что царь иудейский родится в семье от корня рода Давидова.

– И много ли таких семей в иудее?

– Нет, мой господин, совсем не много.

– Откуда тебе это известно?

– Как я уже говорил, я служу при храме Иерусалимском. Среди многочисленных священнослужителей, много таких, которые вместе с первосвященниками, забыли о божьих заветах, и превратили храм в гнусный вертеп, в котором хозяйничают разного рода нечистые на руку торговцы, и просто мошенники всех мастей, но есть и такие, которые свято чтут божьи заповеди и ведут праведный образ жизни. Служение Господу нашему, свело меня с человеком, имя которому Захарий. Если кого и называть праведником, так только его. Несмотря на то, что Господь послал ему и его жене Елисавете, тяжкое испытание, не дав им детей, он продолжает свято верить в чистоту помыслов Господа нашего и даже благодарит его за то испытание, которое бог послал ему. И еще он верит, что господь смилуетсЯ и, несмотря на преклонные года, одарит его и жену его младенцем, который продолжит род его.

Однажды Захарий поведал мне, что нашел в храме древние книги, в которых описываются все роды нашего народа, начиная от самого сотворения мира и первых людей – Адама и Евы, созданных Господом нашим, и где, в отличие от других летописей, древо это выстроено не только по мужской, но и по женской линии. Мне удалось уговорить Захария дать мне взглянуть на эти книги. Несколько лет я изучал их, пока не дошел до нашего времени, и вот что мне удалось узнать.

В Иудее сейчас всего несколько семей, являющихся прямыми потомками царского рода Давидова, но лишь в одной из них есть незамужняя женщина, которая и может быть единственной матерью Спасителя. Имя ей Мария, и она сейчас воспитывается при храме.

– С чего же ты взял, что именно этой женщине суждено стать матерью будущего царя иудейского? – взволнованно спросил Квинт.

– У родителей этой девочки, так же как и у Захария с Елисаветой, долгое время не было детей, но когда священник отказал ее отцу в принесении богу жертвы, поскольку тот был бездетен, отец Марии удалился в пустыню, а жена его осталась дома одна. Тогда им обоим было видение ангела, возвестившего, что господь внял их мольбам и посылает добрую весть о скором рождении у них дочери, которой уготовано великое будущее.

При этих словах иудея Квинт вздрогнул.

– Назови имена родителей этой девочки! – хрипящим от волнения голосом попросил он.

Отец ее – благочестивый Иоаким, небогатый человек родом из Галилеи не является наследником корня Давидова, а вот мать – благочестивая Анна, является прямой наследницей царского рода, и не только. Родословная ее ведется от самой Евы – прародительницы всех людей.

Лицо Квинта стало бледнее простыни, дыхание прерывистым, все лицо покрылось каплями пота.

– Что с Вами, учитель? – Воскликнул Аврелий, а Мерцил поспешил подойти к Квинту, находящемуся в полубоморочном состоянии.

– Ему плохо, Аврелий, зови скорее Цилию, – взволнованно потребовал Мерцил, а Вы Тобий, пожалуйста вернитесь в свои покои. Когда хозяину станет лучше, Вы сможете продолжить свой рассказ.

– Нет! – Прохрипел Квинт, пусть останется! Тобий, прошу Вас, подойдите ко мне. Повторите, как имя матери Марии.

Иудей подошел к Квинту и тот взял его за руку.

– Ее зовут Анна, господин. – Прошептал изумленный священник.

– Спасибо, Тобий! – Ответил Квинт. – Ты даже себе не представляешь, какую весть ты мне принес. Отныне ты самый желанный мой гость и, если позволишь, друг.

В таблинум вбежала Цилия с небольшим чемоданчиком в руках, от вида которого, у иудея еще более вытянулось лицо и еще шире раскрылись глаза. Ничего подобного этому предмету ему никогда в своей жизни видеть не приходилось.

– Прошу Вас всех, – закричала она, – пожалуйста, покиньте комнату.

Девушка раскрыла чемоданчик и, подсоединив кучу датчиков начала манипулировать сенсорами. Между тем, Квинт продолжал бормотать:

– Вы слышали, ее имя Анна! Мне срочно нужно в Египет.

– В Египет? – Воскликнул, находившийся уже в дверях, Аврелий. – Но почему в Египет? Мы ведь говорили об Иудее!

– Ты не понимаешь! Я должен быть в Египте!

– Аврелий! Уйди! – Крикнула Цилия. – Ты мне мешаешь работать!

Юноша послушно вышел и закрыл за собою дверь. В атриуме его ждали Мерцил и Тобий.

– Ну, что там? – Спросил Мерцил.

– Не знаю, похоже, сердце, – ответил юноша, растерянно пожимая плечами, – вот только не пойму, причем здесь Египет, и что из рассказа нашего уважаемого гостя могло так взволновать учителя, чтобы вызвать сердечный приступ.

Тем временем иудей так же находился в предобморочном состоянии. Его поразили вид чемоданчика в руках девушки, и его странного содержимого, но еще более поразили тот факт, что в доме знатного римлянина простая рабыня смеет отдавать приказы не только управляю-

щему, но и благородному господину. Это никак не укладывалось в его голове. Он тяжело опустился на одну из многочисленных скамей, схватился за голову обеими руками, и стал раскачиваться из стороны в сторону, силясь осмыслить произошедшее.

Именно такую сцену застал только что вошедший в дом, судя по тоге с широкой пурпурной каймой, знатный патриций, в сопровождении двух легионеров.

– Мерцил, будь любезен, доложи хозяину, что Гай Цильний Меценат желает видеть своего друга Квинта Сципилиона Аркуса! – Обратился он к управляющему, как к старому знакомому.

– Мы безмерно рады приветствовать в нашем доме столь уважаемого гостя, – витиевато ответил Мерцил, сгибаясь в почтительном поклоне, – но боюсь, мой хозяин не в состоянии сейчас принять тебя, уважаемый Гай Цильний.

– Эй, в чем дело, старина Мерцил! Я пришел по поручению божественного Августа, чтобы обсудить предстоящий праздник и передать твоему хозяину послание от нашего императора.

– Прошу прощения, – обратился к гостю Аврелий, – но учитель болен, но если Вам будет угодно, прошу пройти со мной в алы¹⁸, и дожждаться когда лекарь закончит процедуры.

– Болен! Странно! Только вчера вечером я имел удовольствие беседовать со своим другом Квинтом на приеме у Божественного, и он, как мне показалось, был совершенно здоров. – Пробормотал Меценат, следуя вместе с Аврелием в соседние с атриумом алы.

– Мерцил! – Громко обратился к управляющему юноша. – Распорядись, чтобы подали вина и фруктов дорогому гостю!

– Слушаюсь, молодой господин, – почтительно ответил управляющий.

– Постой, постой, – воскликнул гость, располагаясь в низком и широком кресле, – так ты юный Аврелий, воспитанник Квинта! То-то я смотрю, лицо знакомое! Но ты ведь должен быть где-то в Сирии? Квинт мне что-то об этом рассказывал.

– В Иудее, – поправил Аврелий, – я пять лет находился в Иудее, но уже два дня, как я вернулся домой.

– Ах да, верно, в Иудее, – ответил гость, я, как обычно все перепутал. И чем же ты там занимался, мой юный друг?

– По поручению нашего божественного императора, я занимался подготовкой к переписи населения Иудеи, которую божественный желает провести накануне присоединения Иудеи и Галилеи к Римской империи.

– Похвально, юноша! – Воскликнул Меценат. – В столь юные года, ты уже занимаешься важным государственным делом. Так что же, скажи, случилось с моим дорогим другом, что за недуг его поразил?

– Точно не знаю, но очень похоже на сердечный припадок. Узнаем у лекаря, когда он выйдет от учителя.

– Это, наверное, от радости, что ты вернулся или от перспективы расставания с пятью сотнями талантов, которые вчера у него выклянчил наш Божественный Август.

«Рабыня» внесла в комнату, где расположился гость и Аврелий поднос с кувшином вина и вазой с фруктами. Следом за ней вошел Мерцил. Он проследил, чтобы девушка поставила яства перед гостем, дождался, пока она покинет помещение и, поклонившись, обратился к Аврелию.

– Господин, Цилия закончила. Хозяину стало лучше, но он сейчас спит после приема успокоительного питья.

– Что ж, – сказал гость, отпив из кубка большой глоток вина – в таком случае, не смею более Вас беспокоить. Передайте моему другу наилучшие пожелания о скорейшем выздоровлении. И вот еще что, молодой человек, – обратился он к Аврелию, – позволь вручить тебе императорское послание. Я надеюсь, что как только Квинту станет лучше, ты передашь его ему.

С этими словами Меценат извлек из-под складок Тоги пергамент и передал его молодому человеку. Затем он поднялся и, поблагодарив юношу и управляющего за дружеский прием, покинул виллу.

Глава 7

Все тело ныло, как после тяжелой и изнурительной работы, и в каждом органе ощущалась невероятная слабость. Во рту стоял противный привкус горечи вперемежку с чем-то еще более противным приторно-сладким, отчего сильно мутило. Мысли путались, а все сознание было затуманено, словно густой пеленой. Сделав над собой усилие, Квинт открыл глаза. Вокруг была привычная обстановка его собственной спальни. Он попытался сосредоточиться и извлечь из глубин памяти воспоминания о том, что с ним произошло. Одна мысль, цепляясь за другую, мешала восстановлению событий.

– Ах, да! – Вдруг мелькнуло в голове. – Иудей. Да, да, он что-то рассказывал. Но что?

Квинт вновь напряг память, и из затянутого пеленою тумана, сознания, вдруг отчетливо возникло имя – Анна.

– Анна, конечно Анна! Как я мог забыть? Он говорил об Анне, точнее о ее дочери. – Память постепенно возвращалась, восстанавливая в подробностях события, произошедшие этим утром.

– Но как? – Сам себе задавал вопрос Квинт. – Как могло случиться так, что у Анны есть взрослая дочь? Мне необходимо во всем этом разобраться лично. В Египет. Нужно ехать в Египет.

Так, размышляя, Квинт, сделав над собой усилие, повернулся на бок, и, дотянувшись до свисающего шнурка с кисточкой на конце, позвонил в колокольчик.

Спустя несколько минут в спальню вошла Цилия со своим неизменным чемоданчиком. Девушка приветливо улыбнулась и спросила:

– Как Вы себя чувствуете, командор?

– Спасибо, Цилия, – ответил Квинт, – прескверно. Что со мной?

– Ничего страшного, продолжая улыбаться, ответила девушка, – всего лишь обширный инфаркт на фоне сильнейшего эмоционального стресса. Но не волнуйтесь, давно прошли те времена, когда люди умирали от инфарктов. Я провела цикл процедур по кардиостимуляции и регенерации мышечных тканей, и через день-другой Вы у нас будете, как новенький.

– Спасибо, Цилия, ты мой ангел-хранитель, как сказали бы иудеи, хотя, при других обстоятельствах, я предпочел бы отправиться к праотцам. – Многозначительно ответил Квинт. – Но не сейчас! Я должен, нет, просто обязан поставить точку в этой давней истории, и, вот что я тебе скажу, нам предстоит увлекательнейшее путешествие в Египет – эту волшебную страну одной из древнейших культур на Земле.

– О чем Вы говорите, профессор? Какое путешествие? Вам сейчас нужен полный покой! Максимум, что я могу Вам позволить, так это переезд на виллу в Помпеях, поближе к морю и теплу. Там Вы сможете полностью восстановиться и избежать повторения случившегося.

– Послушай, девочка, здесь все решения принимаю я, и наша поездка в Египет не обсуждается. Мне совершенно все равно, что может со мною произойти. Я не успокоюсь, пока не закончу это дело. И точка! Когда закончишь свои манипуляции со мной, будь добра, позови Аврелия.

Закончив процедуры, Цилия вышла из спальни Квинта и, пройдя через внутренний дворик, зашла в помещение, где находился винный погреб. Она спустилась вниз по узким каменным ступеням в темное, прохладное помещение погреба. Затем прошла мимо длинных рядов с огромными амфорами, в которых хранились вина со всех концов ойкумены, остановилась напротив каменного выступа в стене, и без видимого усилия нажала на него, утопив в стену, которая с легким скрежетом развернулась, открывая проход на еще одну, хорошо освещенную лестницу. Девушка проскользнула в проход и, быстро спустившись вниз, оказалась, как будто,

в совершенно другом мире. Здесь, в большом, хорошо освещенном зале, разделенном множеством прозрачных перегородок, персонал базы вел круглосуточное наблюдение за всем происходящим в огромном городе, следя за изображениями с сотен мониторов. Цилия огляделась и, заметив знакомую фигуру Аврелия в одном из таких отсеков, направилась к нему.

– Что ты здесь делаешь? – спросил удивленный юноша.

– Ты что, не рад меня видеть? – Вопросом на вопрос ответила девушка.

– Ну, что ты, дорогая! Я всегда рад тебя видеть, просто как-то неожиданно, что ты спустилась сюда. Раньше, помнится, ты никогда этого не делала.

– Профессор пришел в себя и зовет тебя.

– Как он?

– Ничего! Все самое страшное уже позади, но у него навязчивая идея о поездке в Египет. Этого нельзя допустить, я заявляю, как врач. Любой стресс может убить его. Прошу, повлияй на профессора и постарайся отговорить его от этого путешествия.

– Хорошо Цилия, спасибо, я постараюсь сделать все, что в моих силах.

С этими словами, Аврелий взял со стола пергамент, врученный ему утром Меценатом, и вместе с девушкой направился наверх.

– Мальчик мой, Аврелий, – воскликнул Квинт, увидев молодого человека, входящего в спальню, – иди сюда, поближе. Присаживайся, нам надо поговорить.

Юноша расположился на краю ложа.

– Что это? – Спросил Квинт, указывая на пергамент, который молодой человек продолжал сжимать в руке.

– Ах это! Вот, утром приходил Ваш приятель – этот богач Меценат, и передал послание от императора.

Профессор взял из рук Аврелия пергамент и, сломав печать, развернул его.

– Как нехстати! – Воскликнул он, прочитав послание. – Август просит, чтобы я лично занялся покупкой гладиаторов для устраиваемого им представления. У меня, признаться, нет ни малейшего желания заниматься этим гнусным делом, да и это идет вразрез с моими собственными планами. Послушай, а что ты ответил Меценату?

– Сказал сущую правду, что Вы больны, и не в состоянии принять его.

– Отлично! И, если кто либо, будет справляться о моем здоровье, отвечай, что я очень плох.

– Зачем?

– Пусть это дойдет до ушей Божественного, тогда у меня появится повод просить его разрешения отбыть, якобы для лечения, в Египет.

– Но почему в Египет, учитель?

– Я потом все тебе объясню, обещаю, а сейчас, прошу об одном одолжении.

– Все, что угодно, командор!

– Ты должен сам, лично, отнести императору обещанную ему мною, сумму. Только возьми не пятьсот, а тысячу талантов, как компенсацию моей неспособности. Расскажи ему о моей внезапной болезни так, чтобы он поверил каждому твоему слову.

– Хорошо, я все выполню так, как Вы этого хотите.

– Вот и отлично! Ступай! Деньги возьмешь у Мерцила. И не медли, пожалуйста. Завтра же утром отправляйся к Августу.

Аврелий покинул спальню профессора и направился на поиски Мерцила. Он обошел весь дом и, не найдя его, пошел через сад к где-то затерявшейся в его глубине хижине. Ему стоило немалого труда отыскать ее. Крошечный дворик оказался обнесенным невероятно густой живой изгородью, сквозь которую молодой человек едва смог различить то, что находилось внутри. Когда же ему удалось продрасться сквозь густой кустарник и заглянуть во двор, он увидел там Мерцила, сидящего на низкой скамье с маленьким ребенком на руках, а рядом с ним

красивую молодую темноволосую женщину. Чуть в стороне, сидя прямо на земле, уже знакомая Аврелию Тания, что-то с увлечением лепила из глины. Юноша еще раз обошел изгородь пока не обнаружил, наконец, маленькую калитку, так же покрытую густой зеленой порослью. Некоторое время он постоял в нерешительности, но потом, набравшись духу, все-таки открыл ее. Появление молодого человека во дворе вызвало шок у находившихся там людей. Юноша, прижав ладонь правой руки к сердцу, а левую руку вытянув прямо перед собой с раскрытой ладонью, как бы давая понять добрую волю своего визита, извинительным тоном сказал:

– Не бойтесь, прошу Вас. Я не желаю Вам ничего плохого. Мерцил, я всего лишь искал тебя, чтобы сообщить, что хозяин пришел в себя, и ему стало гораздо лучше.

На лице Мерцила отражалось неподдельное недоумение и растерянность. От неожиданности он на какое-то время потерял дар речи. А в глазах женщины можно было прочесть только ужас. Она выхватила из рук Мерцила ребенка и прижала его к груди, показывая, что будет защищать его, чего бы ей это не стоило. Обстановку разрядила Тания. Увидев Аврелия во дворе своего домика, она оставила свое занятие, и с радостным криком бросилась в объятия молодого человека.

– Аврелий, ты пришел! Как я рада! Проходи же, я познакомлю тебя с моей мамой!

Эта сцена вызвала у взрослых еще большее недоумение. Обретший, наконец, дар речи Мерцил, спросил, обращаясь одновременно к дочери и к молодому человеку:

– Вы знакомы? Но откуда, как? Ты знал, Аврелий?

– Успокойся, мой друг, – ответил юноша, – мы с твоей дочкой познакомились только сегодня утром. Вот при каких обстоятельствах, я тебе не скажу. Это наш с нею маленький секрет. Должен сказать, что у Вас с Зоей очень воспитанная и умная дочь, и Вы вправе гордиться таким ребенком.

Слушая молодого человека, Мерцил бросил укоризненный взгляд в сторону дочери и покачал головой. А меж тем, Аврелий продолжал говорить.

– Не надо ругать Танию. Она поступила так, как должно было поступить, и честно мне все рассказала. Только не пойму, Мерцил, зачем тебе понадобилось скрывать свою семью? Они вполне могли бы жить в доме в гораздо более комфортных условиях, чем здесь.

– Да, возможно ты и прав, но боюсь, хозяину это вряд ли понравилось бы. Поклянись мне, что ничего ему не расскажешь.

– Да я готов поклясться, только объясни мне, пожалуйста, чего ты боишься. Вы с Квинтом столько лет вместе. Я всегда считал, что Вы близкие друзья.

– Тания, чего стоишь, – обратился Мерцил к дочери, – принеси для гостя скамью!

Девочка тут же сорвалась с места, и вприпрыжку помчалась в дом выполнять распоряжение отца.

– А ты, дорогая, – обратился он к жене, – принеси нам чего-нибудь выпить.

Женщина посадила сынишку рядом с отцом, и, встав, направилась в дом. Аврелий невольно залюбовался ее стройной фигурой, облаченной в длинную столлу, которая только подчеркивала ее грациозный стройный стан.

– Тебе можно позавидовать, старина! – Воскликнул юноша. – Она настоящая красавица. Вы давно вместе?

– Скоро четырнадцать лет.

– Как же тебе удалось так долго скрывать свою семью?

– Зоя была рабыней на соседней вилле. Однажды я, выполняя поручение Квинта, увидел ее там, и был поражен красотой юной гречанки. Мы стали встречаться. Благо ее хозяева оказались очень добропорядочными людьми, что большая редкость среди римлян. Пожилая матрона относилась к своим рабыням, скорее как к приемным дочерям. Когда же наши с Зоей отношения зашли слишком далеко, и вот-вот должна была появиться на свет Тания, госпожа и вовсе освободила Зою от всяких домашних обязанностей. Дело в том, что боги не дали ей дочерей, о

которых она мечтала всю жизнь, а сыновья, став взрослыми, разъехались по дальним провинциям. Эта добрая женщина окружила Зою заботой и лаской, а когда родилась Тания, то нянчилась с ней, как будто это была ее собственная внучка. Так продолжалось долгое время. Потом родился Филипп, и все было замечательно до того момента, когда женщина тяжело заболела и вскоре умерла. Перед смертью она умоляла мужа дать Зое с детьми вольную, или, хотя бы не разлучать нас. Он, в общем-то, неплохой человек, но патрицианские предрассудки оказались выше. Он отказался отпускать рабов на волю. Я был в отчаяние, не знал, что мне делать.

– Так почему же ты не обратился к Квинту?

– Это давняя история, и, боюсь, в этом деле он мне не был бы помощником. Тогда я решил их выкупить и сделал это, заплатив восемнадцать тысяч сестерциев. Только вот, сделать это мне пришлось от имени хозяина и на его имя. Я ведь, для всех окружающих, всего лишь вольноотпущенный.

– Да как же тебе удалось все устроить таким образом, что Квинт даже не подозревает о том, что у него есть рабы?

– Мне пришлось, к моему стыду, подделать подписи хозяина, а один знакомый стряпчий, за солидную сумму все оформил должным образом.

– Вот так история! – Воскликнул удивленный юноша. – И что будет дальше? Ты же не сможешь вечно прятать их за этим забором! Рано или поздно все равно все придется раскрыть командору.

– Я понимаю это, Аврелий, но боюсь, Квинт меня не поймет. Он крайний противник каких-либо взаимоотношений между нами и землянами, а семейных, в особенности.

– Странно, а чем это вызвано?

– Поклянись, что то, что сейчас услышишь, умрет вместе с тобой.

– Мог бы и не просить, ведь мы же друзья.

– Дело в том, что у Квинта, очень, очень давно была семья – красавица жена и двое детишек. Из-за любви к этой женщине, он отказался от карьеры, титулов и должностей, которые ему прочили. И остался с ней здесь, на Земле.

– Так она была римлянкой?

– Нет, нет. Она происходила от одного из народов, проживающих в Месопотамии на берегах Евфрата.

– И что же произошло?

– Она погибла вместе с дочерью во время нашествия диких племен с востока, а он в это время был далеко и ничем не мог помочь. С тех самых пор ни одна из женщин сколь-нибудь серьезно не входила в его жизнь. Наверное, он опасается, чтобы подобная участь не постигла кого-нибудь из тех, с кем ему пришлось работать, и кто ему был дорог. А боль эта навсегда осталась в его сердце.

– А сын, ты сказал, что у него был еще и сын?

– Сына спас самый близкий друг командора. Но это совсем иная история и я не вправе, без его ведома, рассказывать о ней.

– Этим другом был ты?

– Нет, что ты! Мы познакомились гораздо, гораздо позднее.

Из дому вышли Тания со скамейкой в руках и Зоя с подносом, на котором стояли два простых кубка с прохладительными напитками. Аврелий опустил на принесенную девочкой скамью, взял, поблагодарив, один из кубков, и задумчиво сказал:

– Да, грустная история, – и еще немного подумав, добавил, – обещаю, что что-нибудь придумаю, как выйти из этого щекотливого положения.

Юноша отпил из кубка и обнял, присевшую рядом с ним, Танию. Вдруг его осенило.

– А знаешь, Мерцил, я стану наставником твоей дочери. У нее появится возможность учиться и преумножить те знания, которые ей передала мать. В доме огромная библиотека и я добьюсь у Квинта разрешения для девочки пользоваться ей.

– Аврелий, опомнись, она же рабыня!

– Клянусь, я решу эту проблему. – Решительно ответил юноша. – Сможешь привести ко мне своего стряпчего?

– Думаю, да.

– Тогда не затягивай с этим и найди его как можно скорее, пока мы не уехали в Египет.

– В Египет? – Удивленно переспросил Мерцил. – С чего это вдруг?

– Ну, вот, о самом главном я и не сказал, зачем искал тебя. Завтра утром, по поручению Квинта, я должен доставить императору тысячу талантов. Хозяин распорядился, чтобы ты выдал мне эту сумму. И еще, он просил, всеми доступными средствами, поддерживать и распространять слухи о его слабом здоровье, чтобы выпросить разрешение у Августа отбыть в Египет для лечения.

– Зачем ему в Египет?

– Не знаю. Он обещал все объяснить позже. Так, мне пора. Простите, еще раз, за непрошенное вторжение.

Аврелий поднялся со скамьи, потрепал за волосы Танию, и быстрым шагом вышел за калитку.

Глава 8

Преодолев неблизкий путь с Квиринала до Палатина, пробиваясь через лабиринт римских улочек, заполненных суетливыми горожанами, нубийцы, наконец, опустили паланкин у роскошного двухэтажного особняка, как живым частоклом обнесенного неподвижно замершими в полном боевом облачении, солдатами преторианской гвардии, в котором располагалась личная резиденция императора Гая Юлия Цезаря Августа. Навстречу, выбравшемуся из паланкина, Аврелию, из дворца вышел управляющий императора. Аврелий, придав лицу небрежное, несколько высокомерное выражение, обратился к нему, слегка выпятив нижнюю губу:

– Любезный, доложи божественному Августу, что прибыл Аврелий Лициний Сцинна, по поручению Квинта Сципилиона Аркуса.

Управляющий, почтительно поклонившись, удалился вглубь дома, предварительно, извинительным тоном предложив Аврелию дожидаться снаружи. В ожидании, юноша стал вымерять шагами широкую террасу перед особняком, с любопытством рассматривая преторианцев. Ожидание несколько затянулось, но вот, наконец, на пороге снова появился управляющий, и, склонившись перед Аврелием, объявил:

– Наш повелитель, достойнейший из достойных, император и Великий понтифик, Гай Юлий Цезарь Август, ждет тебя, Аврелий Лициний Сцинна.

Аврелий повернулся к ожидающим его рабам и отдал короткий приказ. Тотчас, двое нубийцев извлекли из паланкина большой, тяжелый сундук, окованный бронзовыми пластинами, и, подхватив его с двух сторон, поднесли к юноше. Управляющий, жестом пригласил следовать за ним. Пройдя просторный, роскошно отделанный мрамором, вестибул, управляющий распахнул перед гостем и сопровождающими его рабами, массивную, отделанную искусной резьбой, дверь. Юноша очутился в просторном, хорошо освещенном зале, в конце которого на возвышении, к которому вели мраморные ступени, стоял трон императора. Август, застывший в величественной позе, как и подобает правителю Рима и всей ойкумены, прямо восседал на этом троне, облаченный в белоснежную тогу. Голову императора украшал золотой венец в виде переплетенных листьев. Аврелию никогда раньше не приходилось вот так близко видеть Августа, и он с любопытством рассматривал этого, уже не молодого, но сохранившего юношескую осанку, человека, сумевшего покорить не только Рим, но и большую часть ойкумены. Более

всего в императоре юношу поразил гордый, колючий взгляд, будто насквозь просвечивающий окружающих его людей. Аврелий сделал несколько шагов вперед, и, как положено по протоколу, опустился перед императором на одно колено. Глядя Августу прямо в глаза, он произнес:

– Я, Аврелий Лициний Сцинна, приветствую тебя, Божественный Август по поручению моего наставника и воспитателя Квинта Сципилиона Аркуса. Мой наставник просил простить его за то, что он лично не смог предстать перед Великим императором, и просил меня передать свое пожертвование на устройство праздника в честь твоего, Божественный, вхождения в должность Первого консула и Принцепса.

Юноша хлопнул в ладоши. Ожидаящие его за дверью рабы внесли сундук и, поставив его рядом с Аврелием, удалились. Юноша откинул крышку сундука, в котором переливались груды золотых монет, заполнивших его до краев.

– Здесь тысяча талантов, Божественный. Мой наставник посчитал возможным удвоить сумму обещанного пожертвования, как компенсацию невозможности выполнения им высочайших повелений Великого Августа, из-за неожиданно поразившего его недуга.

На лице Августа промелькнула мимолетная самодовольная усмешка.

– Встань, юноша, – доброжелательным тоном произнес император, – подойди поближе, присядь рядом, и расскажи, что за тяжелый недуг поразил моего дорогого (Август многозначительно кинул взгляд на сундук с золотом) друга Квинта.

Аврелий встал и, поднявшись по ступеням, присел на предложенный Августом табурет, обшитый алым сирийским шелком.

– С моим наставником случился сердечный припадок, и его лекарь категорически запретил ему вставать с постели.

– Передай, юноша своему наставнику и господину, мое искреннее сожаление о его болезни и пожелание скорейшего выздоровления. Если необходимо, я пришлю ему самых лучших своих лекарей.

– Благодарю тебя, Божественный Август, но в этом уже нет необходимости. Наш лекарь сказал, что самое страшное позади, и требуется только время и покой для полного выздоровления моего воспитателя. Так же лекарь порекомендовал нам обратиться к одному всемирно известному чародею, который проживает в Египте, и, который, по слухам, обладает волшебным даром целительства. Поэтому мой наставник и господин просит твоего разрешения, отбыть в Египет после того, как лекарь позволит ему встать на ноги.

– Здоровье и благополучие моих друзей – это святое для меня. – Ответил Август. – Можешь передать Квинту, что я не только разрешаю ему совершить эту поездку, но и предоставляю в его распоряжение боевую триеру с экипажем и центурией воинов для его охраны, а так же свой эдикт, по которому везде, где мой друг будет находиться, ему и его спутникам будет оказано всяческое содействие.

Август повернулся в сторону, замершего в ожидание приказаний, секретаря.

– Ты слышал, Амвросий, подготовь эдикт!

Секретарь почтительно склонил голову и стал быстро скрипеть пером по пергаменту. Когда он закончил, то поднес готовый эдикт императору и подал ему перо. Август размашисто поставил подпись. Секретарь, не разгибая спины, взял пергамент и перо из рук Августа, вернулся на свое место и, скрепив эдикт печатью, передал его Аврелию. Юноша, с благодарностью, принял документ и спрятал его под складками своей тоги.

– Ты сказал, что твое имя Аврелий Лициний Сцинна? – Вновь обратился Август к молодому человеку. – Я знал одного Сцинну, который служил под началом Гая Мария. Не твой ли это родственник?

– Да, это мой дальний родственник, Божественный. – Ответил Аврелий.

– А твои родители? – Продолжал Август.

– Они умерли от чумы, когда я был еще младенцем, и меня взял на воспитание Квинт Сципилион.

– Почему же я ничего не знал об этом благородном шаге твоего воспитателя?

– Он не любит выставлять напоказ свои чувственные порывы, Божественный.

– Похвально! Расскажи, юный Сцинна, чем же ты занимаешься?

– Последние пять лет, Божественный, я провел в Иудее, где, по твоему приказу, изучал настроения среди местного населения, в связи с предстоящим присоединением этой, и других соседних территорий, к твоей великой империи, а так же с, предшествующей этому событию, переписью населения. Сразу же по прибытию в Рим, я передал свой отчет в курию¹⁹.

– Интересно! – Воскликнул Август. – Я непременно сам лично ознакомлюсь с твоим отчетом, но прошу тебя рассказать мне сейчас свои впечатления о поездке. Эта тема очень важна для меня. Как ты считаешь, когда мы сможем объявить Иудею, Галилею и другие земли, нашими провинциями?

– Сейчас, на мой взгляд, не самое благоприятное время для этого.

– И почему же? Вот царь Ирод пишет мне, убеждая, как раз, в обратном.

– Прости, Великий Август, в отличие от царя Ирода, я инкогнито путешествовал по стране и общался с самыми разными людьми. Если ты хочешь услышать правду, я готов рассказать ее тебе.

– Так говори же!

– Народ Иудеи, мягко говоря, недолгоблизит царя Ирода, даже не смотря на его многочисленные заслуги. Большинство людей из самых разных сословий считают его предателем и вероотступником за то, что он понуждает собственный народ, презрев свою древнюю веру, молиться нашим, римским богам. А из-за того, что он обложил все население Иудеи непомерными подушевыми податями и налогами, всякая мысль о переписи населения, не вызывает ничего иного, как общее негодование. Вспомни те народные восстания, происходившие в Иудее в недалеком прошлом, которые были, как раз, следствием подобных переписей.

– Так что же предлагаешь ты? Отказаться?

– Нет, нужно немного подождать и подготовить благоприятную почву. Необходимо распространять среди населения слухи, что с мирным присоединением этих земель к Великому Риму, жизнь станет несравненно лучше теперешней, и что железные римские легионы станут на защиту народа от набегов кочевников-бедуинов, от которых так страдает мирное население.

– Признаться, не по годам мудрая мысль, – задумчиво ответил император, но где найти такого человека, которому люди поверят. И сколько времени потребуется, чтобы переломить общественное мнение.

– Я думаю, – ответил юноша, – пару лет будет достаточно, а что касается человека, то одного такого я знаю. Он иудейский священник. Его имя Тобий и сейчас он здесь, в Риме. Я привез его с собой.

– Вели этому человеку прийти ко мне, Сцинна, я хочу говорить с ним.

– Когда пожелаешь, божественный.

– Сегодня же! Пусть он придет сегодня! И спасибо, юноша за смелость и откровенность. Можешь идти. Передай Квинту, что я благодарен ему за то, что воспитал столь достойного и честного римского гражданина.

Возвратившись домой, Аврелий застал, с нетерпением ожидающего его, Мерцила.

– Ну, наконец-то! – Воскликнул управляющий. – Я привел того человека, которого обещал. – Уже в полголоса сообщил Мерцил. Его имя Простаний, он клиент одного очень высокопоставленного сенатора, и, вообще, очень ловкий человек. Он, как мне кажется, сможет оказать тебе помощь.

– Отлично, дружище! – Ответил юноша. – Где он?

– Я проводил его в алы, где он сейчас и дожидается тебя.

– Хорошо, проследи, пожалуйста, чтобы нас никто не побеспокоил, пока мы будем беседовать.

Аврелий прошел в алы, где застал совершенно лысого маленького сморщенного чело-
вечка.

– Твое имя Простаний?

– Да, господин, – сильным голосом ответил человек.

– И ты, говорят, ловкий стряпчий?

– До сих пор, все клиенты оставались довольными моей работой.

– Тогда вот что...

Аврелий склонился к гостю и что-то начал шептать ему на ухо. Немного поразмыслив, стряпчий утвердительно кивнул головой.

– Ну, вот и прекрасно! – Воскликнул юноша. – За свою работу ты получишь десять тысяч сестерциев. Еще столько же я заплачу тебе, если все документы будут у меня не позднее завтрашнего дня, и за то, что ты будешь нем, как рыба.

– Не волнуйтесь, господин, – довольно потирая руки, просипел Простаний, – все будет исполнено в лучшем виде, или мое имя не Простаний.

– Вот, возьми, – сказал Аврелий, кидая в руки стряпчего увесистый кошелек, – это аванс. Здесь тысяча сестерциев на расходы.

Простаний поймал кошелек и, рассыпаясь в благодарностях за щедрость, раскланиваясь на ходу, покинул комнату.

Спустя несколько минут, в алы вошел Мерцил.

– Как все прошло? – спросил он Аврелия.

– Все в порядке, дружище, – задумчиво ответил юноша. Надеюсь, уже завтра Зоя и дети будут свободными людьми, но мне понадобятся деньги.

– Сколько?

– Двадцать тысяч сестерциев. Услуги и молчание стряпчего стоят того.

– Вечером ты их получишь. – Радостно ответил управляющий.

– И вот что еще, Мерцил, пока никому ни слова, в том числе и Зое.

– Могила! – Ответил управляющий, и отправился в хранилище отсчитывать нужную сумму.

– Да, еще найди Тобия. – Вслед удаляющемуся управляющему крикнул Аврелий. – Я отрекомендовал его императору, и Август хочет сегодня же видеть его и говорить с ним. Пожалуйста, проследи, чтобы иудея доставили во дворец. Пусть мои нубийцы отнесут его, когда немного передохнут и поедят, и потом доставят обратно.

– Можешь не беспокоиться! Все будет исполнено! – Ответил Мерцил.

А Аврелий, еще некоторое время, постояв в одиночестве, круто повернулся на пятках и пошел докладывать Квинту о результатах своей аудиенции с императором.

– Ты превзошел все мои ожидания, мой мальчик! – Воскликнул Квинт, складывая только что прочитанный им императорский эдикт. – О таком можно было только мечтать! Расскажи, как же тебе удалось убедить Августа, что он так расщедрился.

– Его убедил не я, профессор, а золото. Видели бы Вы, с какой жадностью и вождением он смотрел на содержимое сундука!

– Так или иначе, Божественный здорово облегчил нашу задачу. Боевой корабль и центурия легионеров в придачу, позволит нам существенно сократить группу отбывающих в Египет, что будет способствовать продолжению нормального функционирования базы, с одной стороны, и не вызовет кривотолков среди местных аристократов, с другой.

– Кстати, по поводу путешествия! Цилия категорически возражает, по крайней мере до Вашего полного восстановления после болезни.

– Я уже это слышал. Можешь успокоить свою возлюбленную Цилию. На подготовку путешествия уйдет какое-то время, в течение которого, благодаря ей, я смогу прийти в норму. Кроме того, Цилия со своим чудо чемоданчиком поедет с нами, и, если мне вдруг снова станет хуже, всегда сможет оказать необходимую помощь.

– А кто же останется руководить базой?

– Ну, за это я вообще не беспокоюсь! Мерцил благополучно справится со всеми делами, тем более, что ему уже неоднократно приходилось этим заниматься в мое отсутствие.

– Командор, могу я обратиться к Вам с личной просьбой?

– Ну, конечно, Аврелий! Что за церемонии! Проси, что хочешь!

– Профессор, я здесь, в Риме, случайно познакомился с одной женщиной – вольноотпущенной.

– Что я слышу? А как же прекрасная Цилия?

– Нет, нет! Вы меня не так поняли. Совсем не в том смысле. Просто мне очень хотелось бы хоть чем-нибудь помочь ей и ее детям. Женщина эта родом из знатной эллинской семьи. На остров, где жила ее семья напали киликийские пираты. Они перебили все взрослое население, а женщин и детей продали в рабство. Сейчас, получив свободу, она совершенно одна в этом городе, а возвращаться на родину, где никого из близких не осталось, ей очень больно. Вот я и подумал, что она могла бы стать помощницей Мерцила, и следить за порядком в доме, а он смог бы сосредоточиться на управление базой. И еще, женщина эта хорошо образованна, знает языки народов, населяющих ойкумену. Многие из своих знаний она передала своей дочери. Девочка, несмотря на свои одиннадцать лет, так же свободно владеет несколькими языками, умеет читать и писать на них. И мне очень хотелось бы, стать ее наставником, чтобы у нее появилась возможность преумножить свои знания.

– Что ж, хоть и просьба твоя необычна, я обещал, что выполню ее. Можешь приводить своих протеже. Пусть Мерцил приготовит для них помещения в доме для прислуги, и хорошенько проинструктирует на счет того, куда им не следует совать свой нос.

Глава 9

Ранним утром двадцатого ноября, 752 года от основания Рима, небольшой отряд, состоящий из пяти всадников, закутанных в дорожные плащи, и большой крытой повозки, запряженной двумя лошадьми, проехал через Остийские ворота Рима. Нигде не останавливаясь все двадцать миль, отделяющих Рим от своего главного порта, уже спустя четыре с половиной часа этот отряд пересек Римские ворота Остии, и, миновав город, больше похожий на большой военный лагерь, направился в порт. Здесь передвижение отряда замедлилось в виду того, что то и дело приходилось объезжать различные портовые постройки и пропускать снующих в разные стороны рабов и вольноотпущенных, занятых на разгрузке и погрузке многочисленных, пришвартованных к берегу кораблей. Из всего многообразия судов и суденышек самой разной оснастки и происхождения, путники выбрали большую боевую трирему²⁰ с фигурой мифической Медузы Горгоны на носу. Здесь они остановились и спешили. От маленького отряда отделился один человек, передав повод своего коня, товарищу. Он подошел к перекинутым с борта на берег сходням и властным голосом окликнул легионера, охранявшего вход на корабль.

– Эй, солдат, позови своего триерарха²¹ или центуриона.

– А кто ты такой, чтобы мне приказывать, – грубо ответил легионер, продолжая неподвижно стоять, перегораживая проход на сходни.

– Я, Аврелий Лициний Сцинна, посланник нашего божественного императора Августа, и у меня приказ императора твоим командирам.

– Тулий! – Нехотя окликнул легионер своего товарища, находящегося на борту. – Зови скорее триерарха! Тут его спрашивают какие-то важные «шишки» из Рима.

Вскоре вместе с легионером к борту вышел тучный человек с одутловатым лицом, на котором, как в зеркале, отражалась тяга к чревоугодию и пьянству.

– Чего надо? – Спросил он.

– Мне нужен триерарх этого корабля.

– Ну, я триерарх! Говори!

– У меня приказ императора Августа!

– Эй, солдат, пропусти! – крикнул он часовому у сходней на берегу.

Часовой отошел в сторону, пропуская Аврелия. Тот ловко взбежал по сходням и поднялся на борт. Юноша протянул триерарху пергамент с печатью императора. Тот развернул его, внимательно перечитал несколько раз, и, откашлявшись, сказал:

– Прошу прощения, господин. Можете подняться на борт.

Юноша сбежал вниз по сходням, и, подойдя к повозке, помог спуститься из нее еще четверым своим спутникам. Затем, пятеро других, забрались в повозку и стали разгружать из нее багаж путешественников. Когда весь груз оказался выгруженным, Аврелий расплатился с возницей. Он отдал вознице приказ, немедленно возвращаться в Рим, и отвести лошадей в усадьбу Квинта Сципилиона. Пока Аврелий был занят с возницей, пятеро его верных нубийцев уже поднимали тяжелые сундуки и короба на борт триремы. Дождавшись, когда они закончат погрузку, на борт поднялись и все остальные. В фигурах двоих спутников юного римлянина, с ног до головы закутанных в плотные дорожные палии, угадывались женщины, в двоих же других с первого взгляда можно было узнать людей уже далеко не молодых.

– Так сколько же Вас всего? – спросил триерарх у Аврелия.

– Десять человек. – Ответил тот. – Трое мужчин, две женщины и пятеро рабов.

Пожилой человек, в котором без труда угадывался знатный патриций, спросил у триерарха, едва очутившись на палубе:

– Когда мы отплываем?

– Если боги будут благосклонны к нам, завтра утром с приливом. Сейчас пошлю за центурионом, чтобы он поспешил с погрузкой своих людей. И, позволь спросить, как мне тебя называть, господин.

– Я, Квинт Сципилион Аркус, сенатор и близкий друг Божественного Августа. А как твое имя, триерарх?

– Меня зовут Деметий. – Ответил триерарх. – Позволь спросить, куда мы держим путь?

– В Египет. – Коротко ответил Квинт.

– Я гляжу, ты тут самый главный. Давай пройдем в мою каюту и обсудим, каким маршрутом нам лучше идти.

– Сначала устрой наших спутниц, а потом поговорим о делах. – Ответил Квинт.

– На корме есть несколько кают. Заняты только две – моя и центуриона Дирха. В остальных можете располагаться по своему усмотрению.

– Прекрасно! В таком случае, Деметий, пойдем, взглянем на твои карты.

Пока Аврелий осматривал каюты, выбирая наиболее подходящую для своих спутниц, Деметий любезно распахнул перед Квинтом дверь в свою, очень скромно обставленную, но неожиданно опрятно прибранную каюту, и жестом пригласил его войти внутрь. Квинт, не заставив себя ждать, прошел в помещение. Триерарх достал большой пергаментный свиток, и, развернув его, разложил на стоящем посреди каюты столе.

– Это карта Внутреннего моря, – сказал он Квинту, – вот Остия, – добавил он, тыкнув пальцем в место на карте, – а вот Александрия Египетская, – перенес палец в другое место, показал триерарх. – Покажи, благородный Квинт Сципилион, каким маршрутом ты хотел бы пройти этот путь.

Квинт склонился над картой, внимательно изучая ее, и, вскоре произнес.

– Предлагаю пройти на юг вдоль Итальянского полуострова, далее, с запада обогнуть Сицилию, пересечь море до Карфагена, и, двигаясь вдоль северного побережья Ливии, пройти до Александрии.

Деметрий покачал головой, и скривил рот в снисходительной улыбке.

– Плохой план, сенатор. Сразу видно, что ты не мореход. С первой частью, предложенного тобою маршрута, я согласен. Мы пройдем вдоль западного берега Италии. Но вот дальше... Море в это время года беспокойно, а между Сицилией и Ливией, особенно. Но даже, если мы благополучно доберемся до Карфагена, дальше нам предстоит долгий путь вдоль пустынных и засушливых берегов Ливии. Здесь практически нет портов, удобных для стоянки, и пополнения запасов воды и продовольствия. К тому же, двигаясь на восток, нам большую часть пути придется идти на веслах, так как зимою здесь преобладают встречные ветра.

Я предлагаю поступить следующим образом. Мы проходим на юг вдоль Италии, далее проходим через пролив, отделяющий ее от Сицилии. В Мессине пополняем запасы и, обогнув Италию, идем до Брундизия. Затем пересекаем море до Эллады, огибаем ее, и продолжаем двигаться через море, усеянное густонаселенными островами до азиатского побережья. Потом, продолжаем плавание на юг вдоль Азии, где множество удобных портов, и идем до Александрии. Этот маршрут, хоть и более длинный, но наиболее безопасный. А благодаря попутным ветрам, мы сможем пройти его даже быстрее, чем в твоём случае.

– Как я вижу, ты опытный мореход, Деметрий, – с уважением ответил Квинт, – и вынужден с тобой согласиться. Твое предложение разумно, и гораздо лучше моего. Мы идем твоим маршрутом.

Весь остаток дня, путники занимались обживанием своих кают, не обращая внимания на шум и топот ног грузящихся на корабль легионеров. Когда же солнце начало клонить к горизонту, все приготовления к плаванию были закончены, и на триреме воцарилась тишина. Маленькая каютка по правому борту, досталась иудею Тобию. Квинт и Аврелий заняли каюты, расположенные рядом с каютой триерарха, а смежная с ними, досталась женщинам. Кем же были эти таинственные спутницы наших героев? Одной из них, как не трудно догадаться, была Цилия, а другой – юная Тания. Она, со слезами на глазах, уговорила родителей отпустить ее вместе с Аврелием, который объявил себя ее наставником, в это путешествие. После долгих колебаний, юноша согласился, посчитав, что девочка, владеющая несколькими языками народов, населяющих берега Внутреннего моря, может быть весьма полезной в пути, а кроме этого, сможет скрасить быт и стать младшей подругой для Цилии. Цилия, в свою очередь, внимательно присматриваясь к девочке все последнее время, с момента ее появления на вилле Квинта, все больше привязывалась к любознательному и жизнерадостному ребенку. И ей было очень приятно от того, что рядом с нею все время путешествия будет эта девочка.

Как только вечер спустился над Остией, и стихли звуки портового шума, Квинт пригласил всех своих спутников, включая нубийцев, к себе в каюту.

– Друзья мои! – Обратился он к собравшимся в каюте спутникам. – Завтра утром начнется наше долгое путешествие в Египет, которое, не буду скрывать, может быть трудным и весьма опасным! – С этими словами, Квинт открыл небольшую шкатулку из черного эбенового дерева. – Я хочу, чтобы каждый из Вас взял это.

Он извлек из шкатулки десяток медальонов в виде Римской волчицы с раскрытой пастью, сделанных из простого серого металла.

– Никогда не расставайтесь с этой вещицей, и, если, кто-нибудь из Вас, окажется в затруднительном положении, потеряется или просто окажется в ситуации, требующей посторонней помощи, сделайте так, – Квинт взял один из медальонов, и, слегка нажал на нижнюю челюсть волчицы до характерного щелчка, – тогда мы будем знать Ваше точное местонахождение, и сможем прийти на помощь. Кроме этого, – он подошел к одному из сундуков, расставленных

вдоль стен каюты, и, открыл его, – каждый раз, когда мы будем сходить на берег, одевайте это под одежду.

Квинт достал из сундука что-то, напоминающее глухой свитер с высоким горлом, сделанный из очень эластичного и невероятно тонкого и легкого материала.

– Эта вещь, хоть она и кажется легкой и непрочной, предохранит Вас от стрел лучников и ударов ножом или кинжалом в случае нападения. И последнее, – раскрывая следующий сундук, сказал Квинт, – здесь оружие: кинжалы, ножи, мечи и луки. Пусть каждый из Вас выберет то, что ему более по душе или по руке. Я очень надеюсь, что ничего из этого нам не пригодится, но предосторожности ради, это не помешает. Прошу Вас, подходите и разбирайте.

Когда все предложенные предметы были разобраны, Квинт пожелал всем спокойной ночи и счастливого плавания.

Цилия тщетно пыталась уложить в постель Танию, которая сидя на кровати, с восторгом рассматривала медальон и, доставшийся ей, кинжал с узким, трехгранным лезвием, поблескивающим своей полированной поверхностью в тусклом свете масляного светильника, подвешенного на цепи под потолком каюты.

– Довольно, Тания! – Настоятельно потребовала девушка. – Укладывайся, а то проспишь отплытие.

– Ну, еще немного, Цилия! Посмотри, какие они красивые! У меня еще никогда не было таких вещей!

– Теперь есть, и они никуда от тебя не убегут. Ложись сейчас же!

– Ладно! – нехотя ответила девочка, укладываясь в постель. – Расскажи мне о Египте, пожалуйста.

– Я никогда там не бывала, и не знаю, что тебе рассказывать.

– А правда, что мы поплывем мимо эллинских островов? – Не унималась Тания.

– Правда, правда! Давай, спи.

– Здорово, – прошептала девочка, закрывая глаза, – может быть, мы увидим остров, на котором родилась моя мама.

Тания зевнула и погрузилась в сон, в предвкушении предстоящих приключений.

Убедившись, что девочка спит, Цилия тихонько приоткрыла дверь, и выскользнула из каюты, где сразу же попала в жаркие объятия Аврелия.

– Что ты так долго? – шепотом спросил юноша, покрывая лицо девушки поцелуями, и увлекая ее в свою каюту.

– Еле уложила твою воспитанницу. – Так же шепотом ответила девушка, обвив руками Аврелия за шею, и страстно отвечая на его поцелуи.

Глава 10

Едва небо на востоке начало светлеть, предвещая скорый восход солнца, на корабле все пришло в движение. Повинуясь четким командам триерарха, матросы убрали сходни, отвязали швартовые канаты от береговых тумб, и подняли из воды тяжелые бронзовые якоря. Прилив уже достаточно высоко поднял трирему над мелководьем. Дружно упершись длинными шестами в каменную кладку пристани, гребцы и солдаты оттолкнули корабль от берега, и, размеренными взмахами весел, вывели ее на широкую гладь Остийской гавани. Мастерски лавируя между многочисленными судами, стоящими на якорях посреди бухты, ожидающими своей очереди для подхода к пристани, длинная, узкая трирема обогнула мыс, являющийся крайней оконечностью гавани, и вышла на широкий морской простор. Деметий, стоя на носу корабля, там, где высилась голова мифического чудовища, достал кусок легкой ткани и распустил его по ветру, держа в высоко поднятой руке. Оставшись довольным направлением ветра, триерарх, неожиданно громким и четким голосом, что не совсем соответствовало его тучной фигуре, отдал приказ ставить паруса. Несколько десятков человек, отвязав закрепленную вдоль борта мачту, подняли ее, и вынесли на середину палубы, туда, где находилось, окованное металлом,

широкое отверстие. Они приподняли мачту и завели ее широким концом в отверстие. Еще через несколько мгновений, с помощью канатов, мачта уже стояла вертикально. Когда же первые солнечные лучи, пробивающиеся сквозь густые низкие облака, озарили все вокруг, трирема уже неслась по волнам, подгоняемая свежим попутным ветром, заполнившим полотнище паруса с изображением гордого римского орла. Гребцы убрали весла, и только кормчий теперь управлял судном, ведя его хорошо ему известным курсом.

Вскоре на палубу вышли пассажиры, чтобы полюбоваться морским пейзажем и, едва заметной на востоке береговой линией. Не смотря на достаточно прохладную погоду, никто не собирался покидать палубу, и, кутаясь в плотные дорожные палии, продолжали стоять, вдыхая влажный, пропитанный солью, морской воздух. Более всех вид моря вызвал восторг у юной Тании, которая никогда в жизни его не видела, и знала только по рассказам матери. Девочка радостно бегала по палубе, переходя от одного борта к другому, забегая на нос, к деревянной фигуре Медузы Горгоны, возвышающейся над мощным тараном, с шумом, рассекающим волны, и на корму, где пожилой кормчий командовал рулевыми матросами, крепко сжимающими в руках концы рулевых весел.

Заметив триерарха, стоящего на корме рядом с кормчим, Квинт направился к нему. Коротко поприветствовав Демеция, он заметил:

– Хорошо идем, триерарх! Так мы быстро доплывем до нашей конечной цели!

– Если богам будет угодно, и ветер не поменяет направления, то завтра днем будем в Помпеях. – Со знанием дела ответил Демеций.

– Мне казалось, что при такой скорости, мы смогли бы быть там уже на рассвете. – Попытался возразить Квинт.

– Могли бы, благородный Квинт, но на ночь лучше останавливаться. – Укоризненно покачивая головой, ответил триерарх. – Я хорошо знаю, как могут быть опасны прибрежные воды. Здесь полно подводных скал, которые и при свете дня заметить очень трудно. Так что не будем испытывать Фортуна.

Пока шел этот разговор, к триерарху и Квинту присоединились еще два человека. Один из них, настоящий гигант, поразил Квинта своим могучим телосложением. Лицо этого человека было обезображено шрамом, судя по всему, полученным от удара мечом. Другой же был невысокого роста, коренастый, с густой черной, как смоль, шевелюрой. Оба, по-дружески поприветствовали Демеция и, оценивающе окинули взглядами Квинта. Демеций приветливо ответил им, и уважительно посмотрев на Квинта, сказал:

– Благородный Квинт Сципилион, знакомься. Это (указал он на гиганта) – центурион Дирх, а это – гортатор (начальник гребцов) Марк. По приказу нашего Божественного Августа, Благородный Квинт Сципилион со своими спутниками направляется в Египет, – сказал Демеций, уже обращаясь к вновь присоединившимся к ним, – а нам велено доставить его туда в целостности и сохранности и охранять в пути от всяческих неприятностей, которые могут случиться.

Квинт вежливо ответил на приветствия центуриона и гортатора.

– Давайте обходиться без церемоний и титулов. Здесь, в море, Вы хозяева, а я и мои спутники всего лишь гости на время нашего плавания. Поэтому зовите меня просто Квинт. Поверьте, это ничуть не уронит моего патрицианского происхождения.

Эти слова, произнесенные Квинтом, вызвали у морских офицеров некоторое удивление, и, в то же время, уважение. Им было лестно осознавать, что высокородный патриций предлагает быть с ним на равных.

– Ну, что ж, Квинт, – пробасил центурион, – раз так, я хотел бы познакомить тебя с боевым вооружением «Горгоны». Поверь, это поистине корабль-крепость.

– Это точно! – Добавил Демеций. – «Горона» самая быстроходная и маневренная трирема в римском флоте. Нам с Дирхом приходилось участвовать на ней ни в одном сражении. И,

могу тебя заверить, Квинт, она одна стоит целой флотилии! – С гордостью за свой корабль воскликнул триерарх. – Знал бы ты, куда нас только не забрасывала судьба. Мы бывали в Галлии и Испании, проходили, даже через Геркулесовы столбы, чтобы попасть в Британию, бывали и в Понте Эвксинском.

– Правда! – Воскликнула Тания, все это время вертевшаяся рядом с кормчим. – Мне мама рассказывала про Аргонавтов, которые плавали в Понт Эвксинский. А верно, что там скалы сдвигаются, чтобы не пускать корабли?

– Нет, конечно! – Добродушно ответил Демещий. – Это все сказки придуманные Гомером. Эллины все склонны преувеличивать. Просто там очень узкие проливы, и, кажется, что скалы сжимаются.

– Что ты имеешь против эллинов? – Вмешался в разговор кормчий. – Гомер был великим поэтом и в своих стихах передал нам историю о величайшем путешествии. В ту пору Вас, римлян, и в помине еще не было.

– Я смотрю, в тебе вскипела эллинская гордость, Диохил! – Со смехом воскликнул центурион.

– Ты же не стыдишься своего галльского происхождения, Дирх. – Парировал старик.

– Да, я галл, но воюя в римских легионах, дослужился до центуриона, и теперь я, как, впрочем, и ты, римский гражданин. – Ответил на выпад кормчего центурион.

– Так ты эллин? – С нотками уважения переспросила Тания старого кормчего. – Моя мама тоже родом из Эллады. А я умею говорить по-эллински. – Переходя, к удовольствию старика, получившего возможность поговорить на родном языке, на эллинский, сказала девочка. Между ними тут же завязалась оживленная беседа, а центурион с триерархом предложили Квинту пройтись по кораблю.

– Я смотрю, у Вас на корабле, разноплеменная команда. – Заметил Квинт, спускаясь с кормы на палубу.

– Да, верно. – Ответил Демещий. – Среди матросов и гребцов много выходцев из иных земель. Есть эллины, фракийцы, финикийцы, сирийцы, галлы. Но вот кого нет на борту – так это рабов. Все эти люди свободные.

Триерарх с центурионом поперебой рассказывали о достоинствах корабля и его вооружения. Дирх, с гордостью показал Квинту свое любимое детище – башню, на которой размещались баллисты, катапульты и онагры, представляющие из себя грозно оружие, способное метать ядра на огромное расстояние. Потом он показал расставленные вдоль бортов скорпионы и полиболы.

– Благодаря такому оружию, «Горгона» может вступать в бой с пятью – шестью кораблями, и выйти из него победителем. – Заметил Дирх. – А кроме этого у нас есть мощный бронзовый таран, способный пробить борт любого, самого крепкого корабля. Так что можешь не беспокоиться Квинт, ни за себя, ни за своих спутников. В случае нападения, мы сможем противостоять любым противникам.

А между тем, трирема, подгоняемая ветром, все дальше и дальше уходила на юг. За день удалось пройти большую часть расстояния, отделяющего Остию от Помпеи. Когда солнце стало клонить к вечеру, кормчий, отыскав знакомую ему, удобную для стоянки, бухту, направил корабль к берегу. Здесь, неподалеку от небольшой деревушки, разбили лагерь. Солдаты быстро установили палатки, и вскоре возле них задымили костры, на которых готовился незамысловатый ужин. После ужина Аврелий заглянул в палатку Квинта. Именно сейчас, когда началось длительное плавание к берегам Египта, ему хотелось вновь задать профессору вопрос, на который до сих пор не было получено ответа.

– Простите, учитель, – произнес юноша, входя в палатку, – позвольте войти.

– Входи, конечно, что за церемонии!

– Еще раз простите меня за столь позднее вторжение, но Вы обещали объяснить, в чем причина нашего визита именно в Египет, а не в Иудею.

– Вот что, дорогой, присядь! Это давняя и очень запутанная история. Чтобы в ней разобраться, мне пришлось бы рассказать тебе очень многое о себе и о тех людях, которые в ней участвовали. Что касается лично меня, то мне нечего скрывать в своей очень длинной, ты даже не представляешь себе, насколько длинной, биографии. Но, как я уже сказал, к этой истории причастны и другие, очень близкие и дорогие мне люди. Я не могу, не имею права, без их согласия что-либо рассказывать о том, что касается не только меня. Для этого мы и отправились в Египет, чтобы полностью прояснить сложившуюся ситуацию. Я не могу этого сделать как либо иначе, кроме личной встречи. На то есть веские причины. Пока могу лишь сказать одно, если ты помнишь, пятнадцать лет назад я на некоторое время исчез из Рима, якобы по хозяйственным, коммерческим делам. Так вот, никаких хозяйственных дел у меня не было. Я просто воспользовался флайером, вопреки всем запретам, и вылетел для очень важной для меня встречи в Египет. Я всего лишь обратился с просьбой к одному очень уважаемому и любимому мною человеку, в оказании помощи одной, не менее дорогой мне семье землян, проживающей в Иудее. Не могу назвать тебе сейчас причину, побудившую меня на этот шаг. Тогда я получил отказ в самой категоричной форме, со ссылкой на закон, запрещающий всяческое вмешательство в дела землян.

– Как я, наверное, догадываюсь, речь шла об Анне и ее муже, о которых нам рассказывал Тобий.

– Ты совершенно правильно догадался, Аврелий. Речь шла об Анне.

– Вы просили о ребенке для этой бездетной семьи?

– Да, дорогой! Я просил об операции по искусственному оплодотворению, всего лишь, но, как я уже сказал, получил отказ в самой жесткой форме. И что же я узнаю спустя пятнадцать лет? У Анны взрослая дочь. Как это могло произойти, без постороннего вмешательства или с таковым, я и хочу выяснить. А если помощь была оказана, то почему мне было отказано и, спустя время, ничего не сказано об этом.

– Если я правильно понял, цель нашего путешествия – выяснение отношений с Вашими друзьями?

– Не только, мой мальчик! От этого, во многом зависит судьба твоего проекта, а кроме того, и судьба этой девочки, Марии, дочери Анны. Я не могу допустить, чтобы она оказалась под ударом. Это все, что я могу тебе сказать. Наберись терпения, и жди решения, которое мы можем получить в Египте.

– Не пойму, профессор, для чего же сейчас предпринимать столь длительное и небезопасное путешествие? Вы же могли, как и пятнадцать лет назад, тайно воспользоваться флайером и не подвергать, и свою, и наши жизни, возможным опасностям, которые могут подстергать нас в пути.

– Позволь ответить тебе вопросом на вопрос, а почему ты сам, возвращаясь из Иудеи, не воспользовался флайером, а вместо этого пересек внутреннее море на римском военном корабле?

– Это совсем другое. Я находился в Иудее с официальной миссией римского сената, и, наверное, было бы странным, если бы я просто так исчез из Иудеи и, вдруг, появился в Риме. Кроме того со мною был Тобий.

– Вот ты сам и ответил на свой вопрос, дорогой мой Аврелий!

– Я все понял, учитель. Я пойду. Желаю Вам спокойной ночи.

С этими словами молодой человек покинул палатку Квинта.

Глава 11

К полудню на востоке путешественникам открылся вид на Везувий, и уже спустя час, «Горгона» пришвартовалась к пристани в Помпеях. Несмотря на накрапывающий осенний

дождь, город предстал перед глазами путников во всем своем великолепии. Квинт со своими спутниками спустился на берег и пригласил их посетить принадлежащую ему виллу. На пороге небольшого, но очень красивого и уютного дома, путешественников встретил управляющий – высокий, темноволосый мужчина атлетического телосложения с чертами лица восточного типа. Он радостно поприветствовал Квинта и тепло, по-дружески обнял его.

– Я, получив письмо, с нетерпением ждал твоего прибытия, дорогой Квинт! Все давно приготовлено. Прошу, проходите в дом. К Вашим услугам приготовлены купальни в бальнеуме. Можете помыться с дороги, а я отдам распоряжение накрыть стол в триклинии.

– Спасибо, Луций! – Воскликнул Квинт. – И познакомься с моими друзьями. Аврелий и Цилия, я надеюсь, в представлении не нуждаются, а вот это Тобий, он иудейский священник. Я тебе писал о нем. И еще вот эта юная дева по имени Тания, которая уговорила нас взять ее с собой.

Луций вежливо поздоровался с иудеем и ласково потрепал по голове девочку.

– Ну что ж, – сказал он, – друзья моих друзей – мои друзья. Добро пожаловать.

Путешественники с удовольствием воспользовались предложением управляющего, и после посещения бальнеума, посвежившие и переодевшиеся в чистые одежды, собрались в триклинии. По окончании трапезы всем было предложено отдохнуть в заранее подготовленных помещениях. За столом в триклинии остались только Квинт и Луций. Как только последний из гостей покинул триклиний, между ними завязался оживленный разговор.

– Послушай, Квинт, – обратился управляющий к собеседнику, – Из письма я понял, что ты направляешься в Египет, но так и не смог для себя уяснить причину. Что тебя заставляет проделывать это весьма опасное плавание, и к чему такая спешка?

– На все есть свои причины, Луций. Ты меня очень хорошо и очень давно знаешь. Скажи, я когда-нибудь, что либо, делал беспричинно?

– Должен признать, что нет. Но меня беспокоит, что ты для своей поездки выбрал не самое удачное время года, и не самый удачный транспорт. Тебе, не хуже чем мне, известно, что римские корабли обладают очень низкой мореходностью, и даже не очень значительный шторм может привести к катастрофе. Кроме того, я мог бы закрыть глаза, если бы ты подвергал опасности только свою собственную жизнь, но с тобой еще двое наших сотрудников, и ты взял на себя ответственность не только за их жизни, но еще и потащил с собою ребенка. Я тебя не узнаю, Квинт. Думается, что ты идешь на такой риск, имея очень веские причины.

– Ты как всегда прав, Луций. Причины более чем веские. Не думай, что это решение мне легко далось. Я долго взвешивал все «за» и «против», но, как видишь, принял единственно правильное, на мой взгляд, решение. Поверь, если бы я мог справиться с тем, что мне предстоит сделать в одиночку, я никогда бы не стал подвергать опасности своих сотрудников, и, к тому же, очень близких мне людей.

– Тогда у меня есть предложение. Здесь, неподалеку от Неаполя, у меня есть катер, способный передвигаться под водой. Давай я пойду на нем и в случае непредвиденных обстоятельств, подстрахую Вашу трирему.

– По моему, дорогой Луций, это уж слишком! – Воскликнул Квинт. – Да и что с нами может случиться? Триерарх ведет «Горгону» в прямой видимости берега, ночуем мы на суше, а в случае бури всегда сможем найти какую-нибудь бухточку, где сможем переждать ее. Так что не стоит, Луций.

– И все-таки я настаиваю. Обещаю, что во время плавания никоим образом себя не обнаружу, и как только Вы достигнете Александрии, немедленно вернусь назад с чистой совестью.

– Ну, что ж, раз ты считаешь это необходимым, поступай, как знаешь. Мы отплываем завтра на рассвете, и тебе не сложно будет нагнать нас.

– Вот и отлично. Считай, что договорились, а то я уже засиделся тут. Хотя немного развеюсь. Кстати, Александрия – это конечный пункт твоего путешествия?

– Нет. Там я пробуду недолго. Только встречу с Валтасаром, а потом отправлюсь в Мемфис.

– Надеюсь, что все задуманное у тебя получится, и тогда ты сможешь посвятить меня в свои планы.

– Можешь не сомневаться! Даже, несмотря на десять предыдущих трансплантаций сознания, мы все те же, что и раньше, и у меня здесь нет более верного и преданного друга, чем ты.

– Вот и отлично! Расскажи мне, каким маршрутом Ваш триерарх поведет корабль.

– Мы пойдем через Мессинский пролив до Брундизия, а потом пересечем море до побережья Эллады.

– Долгий путь, но, признаться, мудрый. Сразу видно, что триерарх опытный мореход. Однако могут возникнуть сложности. По моим данным, в ближайшие дни на Внутреннее море может обрушиться мощный циклон, который будет сопровождаться сильным штормом. Я бы, на вашем месте, остался бы на несколько дней в Помпеях и переждал бы здесь непогоду.

– Это исключено, Луций. Нам нельзя терять время, да и как я смогу объяснить Демецию, что надвигается шторм. Он просто сочтет меня колдуном или кем-то в этом роде. Так что завтра мы отплываем, а если не успеем до шторма дойти до Мессины, переждем бурю где-нибудь на берегу. Но все-равно, спасибо за предупреждение. Только прошу тебя, что бы ни случилось, не вздумай обнаружить себя и свой катер.

– Обещаю, но если Вашему судну будет угрожать гибель, я буду вынужден нарушить свое обещание, так и знай.

– Хорошо, но только в самом крайнем случае. И хватит об этом.

– Скажи, Квинт, для чего ты взял с собой Аврелия, я могу понять, но зачем с тобой Цилия...

– Тут такая история, дорогой Луций, между Аврелием и Цилией сложились отношения, и я не в праве вновь разлучать их. Но это только одна из причин. Для меня было понятно, когда с Гее шесть лет назад прислали на базу нового паромедика, но когда мне удалось поближе познакомиться с ней и с ее досье, я, к своему удивлению, обнаружил, что эта девушка не простой паромедик.

– Поясни, что значит «не простой»

– У нее очень необычная специализация. Цилия специалист по трансплантации сознания.

От неожиданности Луций даже присвистнул.

– Ничего себе! И для кого же из нас она заказана? Как будто со времени нашей с тобой последней трансплантации прошло не более полутора сотен лет. Всего-то. Остальные пока этой процедуре не подвергались.

– Да, ты прав. На Земле сейчас только шестеро, включая тебя, меня и Марцела, кому пересаживали матрицу. Еще Валтасар, Мельхиор и Гаспар, но они не наблюдатели, а сотрудники Корпуса жизни, в котором есть собственные аналогичные структуры. Кроме того и их срок еще очень далеко. Вот и напрашивается вопрос, зачем здесь Цилия.

– Выходит, что жизнь кого-то из нас находится под угрозой.

– Н-да! Это единственная мысль, которая приходит в голову. И мне кажется, что ее появление именно у меня, в Риме, совершенно не случайно. По всему видимому, интересующий Цилию объект – это я, хотя она может ничего об этом, до поры до времени, не знать. Именно поэтому я хочу встретиться с Валтасаром. Тем более, он не так давно был на Гее, и, возможно, что-нибудь знает или, хотя бы слышал.

– Думаешь, кому-то на Гее удалось, наконец, получить доступ к избирательной информации из ГИП?

– Не знаю, но такой возможности не исключаю. А если судить, что объектом стала моя скромная персона, я догадываюсь, кто бы это мог быть.

– Понимаю, кого ты имеешь в виду, и, признаться не удивлюсь, что это именно «ОН», ведь вы когда-то были очень близкими друзьями.

– Мы ими никогда не переставали быть, даже после того, известного тебе случая, только дружба эта какая-то странная. Он много раз возвращал меня к жизни, но ни разу не удосужился спросить, хочу ли я этого. Все это больше похоже на приговор к вечной жизни. Если мне угрожает смерть, в этот раз я хотел бы обойтись без трансплантации, и навсегда покинуть этот мир. Кто бы знал, как я устал! Ты даже не представляешь себе, Луций, какой это тяжкий груз, видеть, быть свидетелем, наблюдать за всей историей человечества на этой планете, и ничем, ни действием, ни словом, не иметь возможности вмешаться, исправить непоправимое, не допустить гибели огромного количества ни в чем неповинных людей!

– А ты никогда не задумывался над тем, что это вовсе не приговор «вечной жизни», как ты выразился, а степень самого высокого доверия?

– Поясни! Я что-то не вполне понимаю, о каком доверии ты говоришь, Луций! Или я чего-то не знаю?

– Квинт, это всего лишь мои догадки и предположения, но посуди сам, с тех пор, как на Земле, кроме Совета Наблюдателей, появился «Корпус жизни», здесь все кардинальным образом изменилось. Нам были запрещены прямые контакты с местными жителями, запрещено их обучение и вообще всякое вмешательство в дела землян, а для сотрудников Корпуса никаких ограничений не предусматривалось. Вдумайся сам, они под видом жрецов, ученых и советников были внедрены во все структуры местных государств. Вспомни только о тех странных генетических экспериментах над животными в том же самом Египте, а чего стоил ядерный взрыв, стерший с лица Земли два густонаселенных города вместе со всеми, пусть и далеко не праведными, его обитателями. Кстати, это ведь по «Его» просьбе, ты вывел из обреченного города семью этого, если мне не изменяет память, Лота. А история с термоядерной установкой в южной полярной области, из-за аварии на которой огромная часть суши на долгое время оказалась затопленной, тем самым уничтожив ряд только начинающих зарождаться земных цивилизаций, причем по большей части тех, кому мы ранее передавали свои знания. На мой взгляд, все это не случайно. О целях и задачах Корпуса не осведомлены даже большинство членов Высшего планетарного совета. Эта завеса сверхсекретности, лично у меня вызывает некоторые опасения. Так вот, «Он», как мне кажется, здесь, на Земле, может полагаться только на тебя, на то, что своими знаниями местной специфики, своим влиянием, только ты можешь противостоять чудовищным по своему размаху, и, бесчеловечным по сути, планам Корпуса. Отсюда и такая забота о твоей жизни.

– Может быть... Я как то об этом не задумывался... Но, если верно предположение, что «Ему» удалось получать нужную информацию из ГИП о событиях, которые могут произойти в ближайшем будущем, значит «Ему» может быть известно и о моих планах. А если «Он» прислал ко мне специалиста по трансплантации сознания, значит это мероприятие, несмотря на его опасность «Им» приветствуется, и будет использоваться в противовес планам Корпуса. Тогда мне необходимо как можно быстрее добраться до Египта. Думаю, мне удастся разговорить Валтасара. Он хоть и сотрудник Корпуса, но человек вполне разумный и дальновидный. И есть еще один, весьма авторитетный человек, который, я надеюсь, не откажет мне, и так же сможет пролить свет на эту загадку.

– Я догадываюсь, кого ты имеешь в виду. Если встретишься с «Ней», передай от меня большой привет и самое искреннее восхищение.

Глава 12

Как и предупреждал Луций, погода уже к концу третьего дня плавания начала портиться. Все усиливающийся ветер гнал с севера тяжелые свинцовые тучи, грозя порвать паруса и сломать мачту. «Горгону» швыряло из стороны в сторону на высоких волнах, поднятых ветром. То и дело все небо озаряли вспышки молний, сопровождаемые тяжелыми раскатами грома.

Демещий приказал убрать паруса и мачту. Матросы тут же бросились исполнять приказ триерарха, борясь с ветром и перехлестывающими через борта солеными брызгами. Старый кормчий с тревогой вглядывался в сторону берега, подыскивая безопасное место для высадки на сушу. Даже не пытаясь перекричать разыгравшуюся стихию, он указал Демещию на какое-то место на берегу. Триерарх всмотрелся в указанном направлении и утвердительно кивнул головой. Гребцы дружно налегли на весла, и трирема, развернувшись поперек волны, избегая боковой качки, медленно направилась к берегу. Триерарху и кормчему пришлось применить все свое искусство, чтобы корабль смог пройти невредимым в узкий проход между прибрежными скалами, скрывающими спасительную бухту. Успешно выиграв борьбу с прибоем, «Горгону», как щепку выбросило на прибрежный песок. От толчка, все, находившиеся на корабле, едва удержались на ногах, но корабль прочно увяз своим тяжелым носом в песок и остановился. Матросы, спустившиеся с помощью канатов на берег, прочно закрепили судно. Выбрав ровное место на возвышенности, легионеры, привычным образом, несмотря на шквалистый ветер и холодный дождь, установив шатры, разбили лагерь, обнесенный частоколом. Тем временем, Аврелий обследовал прибрежные скалы, где обнаружил довольно обширную и сухую пещеру, куда он привел своих спутников и спутниц. Вскоре посреди пещеры, освещая ее стены и свод, заиграл языками пламени огонь, приятно согревающий до нитки промокших путников. Согревшись и просушив одежду, поужинали, приготовленной старым Диохилом, похлебкой. После ужина, Квинт, устроившись на импровизированном ложе, устроенном им у огня, прилег отдохнуть. Цилия с Аврелием уединились в дальнем конце пещеры, а оставшиеся сидеть у огня Диохил, Тания и Тобий завели оживленную беседу. Странно было наблюдать за этой необычной компанией, которая непостижимым образом нашла общий язык. Девочка без устали упраскивала старого эллина рассказать о его Родине. Старик долго отнекивался, но, наконец, сдался.

– Ну, что ж, стрекоза, – добродушно усмехнувшись, сказал старый кормчий, – раз ты настаиваешь, я расскажу тебе о странствиях хитроумного царя Итаки Одиссея.

Диохил выпрямил спину и торжественно, нараспев произнося звучные эллинские слова, стал пересказывать, давным – давно сочиненную слепым Гомером историю о приключениях Одиссея. Он оказался на редкость хорошим рассказчиком. И юная Тания, и пожилой Иудей, слушали эллина затаив дыхание. Когда же Диохил закончил эту историю, девочка в восторге от услышанного, стала упраскивать его рассказать что-нибудь еще. Немного передохнув и отхлебнув из кубка немного вина, Диохил стал рассказывать истории об эллинских богах и героях. Вскоре, к ним присоединились Аврелий и Цилия, присевшие рядом. Так и не сумев заснуть, Квинт так же стал прислушиваться к рассказу старика. Лежа с закрытыми глазами, он вслушивался в каждое слово. При упоминании имен Эллинских богов, ему вдруг вспомнилось невообразимо далекое время, когда он и другие его товарищи впервые вступили на эту землю, которую тогда именовали Пангеей. Зевс, Артемис, Афродита, Гефест... – эти имена, как песня звучали в его сознании. Удивительное дело, столько лет минуло с той поры, столько самых разных событий произошло на Земле, но эти, самые первые годы и та, первая команда Геян, прочно закрепились в памяти, так, как будто все происходило только вчера. Квинт вспомнил в мельчайших деталях это счастливое время. Вспомнил он и горечь утрат.

– Зара, милая Зара, – будто острым лезвием полосонуло по его сердцу. Горький комок подкатил к горлу, не давая вздохнуть, горячая слеза покатилась по щеке, а изо рта раздался тяжелый, протяжный стон.

– Что с Вами, Квинт? – Встревожено воскликнула Цилия, прерывая рассказ эллина. – Вам плохо? Что, опять сердце?

– Нет, нет, успокойся, – ответил Квинт, повернувшись к спутникам, – со мною все в порядке! Не обращайтесь внимания, и, прошу тебя, Диохил, продолжай.

– Но Вы так стонали! – Не унималась девушка. – Я должна Вас осмотреть.

– Я же сказал, со мною все хорошо! Эта совсем другая боль, которая тебе, Цилия, не подвластна.

– Вас что-то разволновало из рассказов Диохила? – Осторожно спросил Аврелий.

– Просто навеяло воспоминания, такие далекие, и, одновременно такие близкие. – С горечью в голосе ответил Квинт.

– Так расскажите нам! – попросила Тания.

– Обязательно расскажу, девочка, обещаю, но не сейчас. – Все так же печально ответил Квинт.

Он встал со своего ложа и отошел к выходу из пещеры, где продолжал завывать ветер. Цилия было рванулась за ним, но ее удержал Аврелий.

– Не надо, дорогая, не мешай! Видишь, он хочет побыть один!

Квинт продолжал стоять, жадно вдыхая, пропитанный влагой воздух. Воспоминания не отпускали его. Внезапно шум и крики людей снаружи, оторвали Квинта от тяжких дум. В пещеру вбежал, до нитки промокший, явно чем-то испуганный, Демещий, который указывая в сторону бушевавшего в темноте моря, непрерывно повторял:

– Там! Там....

Все сидевшие вокруг костра, и стоящий в стороне Квинт, рванулись со своих мест. Они обступили триерарха и стали засыпать его вопросами. Квинт, подняв вверх правую руку, попросил всех успокоиться и замолчать. Он обнял Демещия за плечи и усадил его на ложе у костра. Диохил, не произнеся ни единого слова, налил чашу вина и подал ее триерарху. Тот, залпом осушил ее до дна.

– Теперь рассказывай, что случилось? – обратился Квинт к Демещию. – Что так взволновало тебя?

– Там, на дне бухты, чудовище! – воскликнул триерарх.

– Какое еще чудовище? Рассказывай все по порядку!

– Часовые, оставшиеся на борту «Горгоны», увидели, как в бухту заплыло огромное чудовище, – продолжил Демещий, – оно доплыло до середины бухты, а затем опустилось на дно. А потом, потом, вода вспыхнула ярким огнем. Она и сейчас светится! Наверное, сам морской бог, Нептун, приплыл верхом на морском чудище!

– Постой, ты сам видел его?

– Нет, сам я не видел. Когда один из часовых прибежал ко мне, оно уже погрузилось в море.

– Что говорят часовые? Какое оно? Можешь позвать этих солдат сюда? Пусть они расскажут, что видели.

– Да, конечно! Я сейчас!

Демещий подал пустую чашу Диохилу, показывая, чтобы тот наполнил ее. Эллин налил в чашу вина и вернул ее триерарху. Тот вновь залпом осушил ее, встал и вышел из пещеры. Спустя какое-то время, он вернулся в сопровождении центуриона и двух легионеров. Квинт пригласил их к огню. Когда все расселись вокруг полыхающего костра, он обратился к солдатам:

– Рассказывайте, что Вы видели!

– Мы с Гаем стояли в карауле на корме корабля, благородный господин. – Начал один из солдат. – Было очень холодно, и мы решили спрятаться под кормовым навесом, а чтобы дождь не захлестывал под навес, взяли кусок парусины, и стали привязывать ее с подветренной стороны. Вот тогда мы его и заметили. Еще не совсем стемнело, и мы отчетливо видели, как в бухту заплыло это чудовище. Оно доплыло почти до середины и остановилось. Затем вода вокруг него забурилась, и чудовище стало погружаться.

– Да, да, – воскликнул второй легионер, – оно стало погружаться, а вода вокруг, вдруг осветилась ярким светом. Море на этом месте и сейчас светится, господин. Можешь сам убедиться.

– Мы обязательно посмотрим, только пока расскажите, какое оно было, это чудовище, на что похоже?

– Его полностью видно не было, но над водой возвышался огромный горб.

– Так может быть это кит? Деметий, ты же был за Геркулесовыми столбами? Неужели никогда не видел китов? – Спросил Квинт, обращаясь к триерарху.

– Китов я видел, благородный Квинт, но ни один из них не светился в темноте.

– Откуда тебе знать, если Вы всегда ночуете на берегу?

– Не всегда! По пути в Британию, мы шли и по ночам, и китов видели в тех водах. Они не светились. Только выбрасывали в воздух фонтаны воды.

– Это сам Нептун, или кто-то из его сыновей! – В суеверном страхе шептали оба солдата.

– Пойдемте, посмотрим на Ваше чудовище, тогда и сделаем выводы, кто это или что это. – Властным голосом прервал всех Квинт.

Он накинул свой палий и жестом указал следовать за ним. Все присутствующие последовали примеру патриция и двинулись из пещеры к берегу, где едва различалась темная громада «Горгоны». Поднявшись на борт, все прошли на корму. Вдалеке, посреди бухты действительно вода была подсвечена в радиусе нескольких десятков метров, и это свечение не менялось в зависимости от сильного волнения на поверхности, что свидетельствовало о том, что источник света действительно находился глубоко под водой, возможно даже на дне. Квинт, о чем-то задумавшись, укоризненно покачал головой, и, не произнеся ни единого слова, покинул корабль. Остальные последовали за ним, бросая вслед патрицию недоуменные взгляды. Очутившись вновь в пещере, Квинт сбросил намочший палий, и, опустив руку на плечо Аврелию, отвел его в сторону.

– Я знаю, что это такое, мой юный друг, но боюсь, не смогу этим людям сказать правду.

– Так что же это, профессор? – Шепотом, чтобы никто не услышал, спросил юноша.

– Это катер Луция. Ведь я просил его никак себя не проявлять! Ну что за неосторожность! Кто просил его включать наружное освещение!

– Луций сопровождает нас? Почему Вы не сказали об этом?

– Я был против, но он настоял, и мне пришлось согласиться, с условием, что он окажет нам помощь лишь в том случае, если нашим жизням будет что-нибудь угрожать. Только прошу тебя, Аврелий, никому ни слова, даже Цилии. Я свяжусь с Луцием и сделаю ему выговор.

Квинт вновь накинул палий и вышел из пещеры в темноту ночи. Он осмотрелся по сторонам, и осторожно ступая по мокрым камням скал, протиснулся в узкую расщелину, скрывающую его от посторонних взоров. Здесь он извлек из-под палия крошечную коробочку коммуникатора и коснулся сенсора вызова. Через несколько мгновений в воздухе возникло слабое свечение, в дымке которого, можно было разглядеть часть рубки катера и сонное лицо Луция.

– Квинт! – Удивленно воскликнул Луций. – Что случилось?

– Это я у тебя должен спросить! Чем ты думал, когда включал освещение? И почему зашел в бухту в надводном положении? Я же просил тебя!

– Я... Прости, виноват, я не мог пройти под водой. Там подводные скалы. Я вынужден был подняться на поверхность...

– А свет зачем? Тебя засекли часовые! Как прикажешь им объяснять!

– Я не подумал, прости! Просто при погружении наружное освещение включается автоматически. Сейчас перейду на ручной режим.

Квинт выглянул из-за скалы, где видна была, как на ладони вся бухта, посреди которой хорошо было различимо светлое пятно. Спустя несколько мгновений свечение погасло.

– Все, я сделал! – сказал Луций.

– Вижу. И прошу тебя, впредь будь осторожней. Римляне приняли твой катер за морское чудовище или за морского бога, или еще черт знает за кого! Пусть продолжают так думать,

но чтобы впредь подобное больше не повторялось, или я запрещаю тебе следовать за нами! Ты все понял, Луций!

– Да, командор, я все понял, и обещаю, больше подобные проколы не повторятся.

– Хорошо! Я отключаюсь! Спокойной ночи!

– Спокойной ночи, Квинт!

Квинт вновь дотронулся до сенсора. Свечение вместе с Луцием исчезло. Квинт спрятал коммуникатор и, двигаясь в темноте на ощупь, вернулся в пещеру.

Следующий день никаких изменений в погоде не принес. Все тот же пронизывающий до костей холодный северный ветер, сопровождающийся вьедливым дождем. О продолжении плавания не могло быть и речи. Путникам, застигнутым непогодой, ничего не оставалось делать, как коротать время, сидя у огня в пещере, развлекая друг друга различными историями. Старый Диохил, казалось, был неисчерпаем. Он рассказывал одну историю за другой, а остальные внимательно слушали его, особенно юная Тания. В сознании девочки возникали образы Геракла и Одиссея, Ахилла и прекрасной Елены, всемогущих Олимпийских богов. Когда Диохил закончил очередной рассказ, Тания восхищенно стала его упрашивать:

– Еще, пожалуйста, еще! Расскажи еще что-нибудь!

– Дай передохнуть, ягода, – добродушно ответил старик, – у меня горло пересохло и язык отваливается.

– А давайте я Вам расскажу притчи моего народа. – Неожиданно предложил Тобий.

– Давай, рассказывай! Мы с удовольствием послушаем твои истории! – С восторгом ответила девочка.

Иудей придвинулся ближе к огню, и, в свойственной ему мягкой манере начал рассказ о сотворении мира.

– Всего за шесть дней! – удивленно воскликнула Тания, оглядывая все вокруг себя. – Быть такого не может! Создать все-все, и небо, и землю, и звезды, и Солнце с Луной, и животных с растениями, и людей, и все это он один! Никогда не поверю!

– Ну, почему же один! – Возразил ей иудей. – У Всевышнего множество помощников.

– Каких таких помощников? – Воскликнула девочка. – Ты же сам сказал, что все вокруг сущее и не сущее, создал он один.

– Он все задумал, а создавать все ему помогали его верные помощники, ангелы.

– Это еще кто такие? – Не унималась девочка.

– Ангелы – это бесплотные существа, очень похожие на людей, только с крыльями, как у птиц. И, главное, лишённые всех человеческих пороков.

Услышав упоминание об ангелах, Квинт не смог удержаться от улыбки и легкого смешка.

– Что тебя так рассмешило, уважаемый Квинт Сципилион? – Обиженным тоном спросил Тобий.

– Вот что, друзья, давайте я Вам расскажу историю, причем не придуманную людьми, а ту, что происходила на самом деле, только очень, очень давно. – Вместо ответа предложил Квинт. – Тем более, что я Вам обещал кое-что рассказать.

– Рассказывайте поскорее! – радостно закричала Тания, хлопая в ладоши.

– Ну, что ж, слушайте. – Начал Квинт. – Давно это было, так давно, что даже представить себе трудно. В те далекие времена люди еще не умели строить каменные жилища, не знали ни железа, ни бронзы, ни даже меди. Они кочевали по Земле, переходя с одного места на другое в поисках пропитания. Жили охотой на зверей, ловлей рыбы и собирательством съедобных плодов. Оружие свое изготавливали из костей животных и твердых камней.

В одном многочисленном племени, обитающем на берегу великой реки, которую теперь называют Евфрат, жила девочка по имени Лея. Было ей тогда лет пятнадцать. Однажды Лея сбежала из дому и попала в священное для ее народа место, которое именовалось «Падающая вода». Людям было запрещено ходить туда, потому что, по их поверью в тех местах обитал лес-

ной Дух в образе огромного тигра. Был ли это Дух, не знаю, но огромный тигр действительно напал на девочку, и, когда казалось, спасенья не будет, с неба на землю спустился на крыльях юноша, который убил тигра молнией и спас Лею. Девочка была ранена, и юноша отнес ее к своим друзьям, которые ее вылечили. Лея и юноша, которого звали Гор, очень подружились, а потом и полюбили друг друга.

– Это был ангел? – Не удержалась от вопроса Тания. – Тобий говорил, что у ангелов есть крылья.

– Не совсем так. – Весело ответил Квинт. – Этот юноша был обычным человеком, но прилетел он вместе со своими друзьями с далекой звезды по имени Гея. Лея часто задавала Гору вопрос, как у него из спины вырастают крылья, но он пытался объяснить ей, что крылья не растут у него из спины, а это всего лишь устройство, ну если хотите, механизм, наподобие метательных машин, сделанный человеческими руками, чтобы помогать людям летать по воздуху, словно птицам. Он сказал, что устройство это называется антигравиплан. Девочке очень трудно было выговорить столь длинное слово, и она сократила его до «ангел». Так и повелось с тех пор – ангел, это крылатый помощник.

– Но позволь, Квинт, – воскликнул иудей, – Гор – это ведь Египетский бог?

– Совершенно верно, уважаемый Тобий, но в тоже время, он человек, и, причем один из первых фараонов Та-Кемер.

– А Лея, что стало с ней? – Нетерпеливо спросила Тания.

– Она стала женой Гора, и у них родился сын, которого они называли Ра. В последствии, и он стал фараоном и верховным божеством Кеми. Разные народы называли Лею по – своему. Вот Вы, эллины, – обращаясь к кормчему, сказал Квинт, – звали ее Афиной, потому, что ее бабушку звали Финой.

– Но Афина – дочь Зевса! – Попытался возразить Диохил.

– Как видишь, она не совсем его дочь, – ответил Квинт, – она жена сына Зевса, потому что Гор – его родной сын. Просто с веками люди несколько исказили реальность, но по сути все верно. Лея стала для Зевса столь же родной, как и его родная дочь, Афродита.

– Откуда тебе это известно, уважаемый Квинт? – Осторожно спросил иудей. – Ты говоришь так, будто сам был близко знаком со всеми богами.

– Как знать, уважаемый Тобий, – задумчиво ответил Квинт, – возможно, твои слова не так уж и далеки от истины.

– А что было дальше, что произошло потом? – Не унималась Тания. – Ну, пожалуйста, расскажите!

– Как-нибудь в другой раз, – ответил Квинт.

– Когда? – Не унималась девочка.

– Когда придет время, когда Вы все будете готовы услышать продолжение. – Еще более задумчиво ответил Квинт. – Обещаю, что расскажу всю эту историю до конца, а еще, Тания, расскажу тебе о тебе самой, то чего ты сама о себе и не подозреваешь. Только наберись терпения и жди.

Глава 13

Буря бушевала целых пять дней. Только на шестой день ветер стих и море успокоилось. Наконец развеяло тучи, и выглянуло солнце. Все это время Квинт старался избегать новых расспросов со стороны своих спутников, проводя большую часть времени в уединении. Как только погода позволила продолжить плавание, триерарх и центурион вывели людей на берег, чтобы столкнуть увязшую в нанесенном песке трирему в море. Задача эта оказалась далеко не из простых. Волны выбросили корабль слишком далеко на берег. Солдатам и матросам пришлось долго его обкапывать, но, перелопатив целые горы песка, так и не удалось сдвинуть тяжелую трирему ни на дюйм. Диохил предложил сплести все имеющиеся канаты и попытаться оттянуть корабль с помощью блоков, закрепленных на двух противоположенных высту-

пах скал. Все легионеры, матросы, гребцы, и даже пассажиры, дружно взялись за канаты, напрягая мускулы до предела. В какой-то момент, трирема качнулась и сдвинулась на несколько метров, но затем вновь остановилась. Ни со второй, ни с третьей попытки, больше сдвинуть ее не удалось. Выбившиеся из сил люди опустили канаты, чтобы передохнув, вновь попытаться столкнуть корабль в море. Вдруг, непостижимым образом, «Горгона» выпрямилась и медленно сама покатила в море. Она остановилась лишь тогда, когда закачалась на волнах. Не веря своим глазам, триерарх и матросы вплавь добрались до корабля. Поднявшись на борт, Деметий отправился на кормовую площадку, где обычно располагались кормчий и рулевые матросы. Он, кинув взгляд на воду за кормой, вдруг заметил, что вода сзади корабля вздыбилась и протянулась чем-то напоминающее дорогу. Приглядевшись, он смог различить, что на небольшой глубине, от корабля стремительно удаляется какой-то крупный предмет. Суеверный ужас охватил бывалого триерарха. Он, указывая вслед этому предмету, закричал истошным голосом:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.